

ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА

21 апреля 1917 года

Содержание:

- Сношения Протопопова с советом патриотического отечественного союза. Орлов.
- Отношение к монархическому началу.
- Отношение к государственной думе.
- Сношения с Вырубовой.
- Отношение к общественным организациям — Земскому и Городскому союзам.
- Отношение к правым.
- Отношение к разного рода брошюрам.
- Сношения через Вырубову с государем.
- Монархический принцип.
- Желательность роспуска думы.
- Сводка агентских данных.
- Схема Протопопова по вопросу о положении страны.
- Признаки безысходности положения.
- Схема, данная члену государственной думы Караулову по вопросу о необходимой реформе — ответственности министров.
- Сношения с правыми. Записка Римского-Корсакова.
- Субсидии Маркову, Орлову и другим на правую печать.
- Усиление правого крыла государственного совета.
- Разговоры с царем по вопросам «правой политики».
- Закрытое заседание думы с запросом об отношении правительства к общественным организациям.
- Сношения с Воейковым.
- Показание кн. Голицына об отношении Протопопова к роспуску думы.
- Возражение Протопопова.
- Отношение Протопопова к группе националистов Балашева.
- Организация правой печати.

Надежда, возлагавшаяся на правые организации в виду приближения выборов в 5-ю думу.

Замыслы правых относительно пересмотра основных законов.

Отношение Протопопова к цензуре.

Подготовка выборов в 5-ю государственную думу.

На предмет выборов испрашивается 2 миллионов рублей.

Предполагаемое давление на выборы покупкою цензов.

Телеграмма Протопопова Воейкову перед началом занятий думы, в конце октября 1916 г.

Отношение Протопопова к постановлениям двух комиссий государственного совета.

Сношения с государем через императрицу и сношения с последней через Вырубову.

Кружок Бадмаева.

Конспиративный характер писем Вырубовой.

Распутин.

Расследование убийства Распутина.

Выемка из квартиры Распутина компрометантных документов.

Отношения Протопопова с Сухомлиновым и с Сухомлиновой.

Разговор Протопопова с царем о продовольственном вопросе.

Письмо Сухомлиновой.

Арест рабочих Военно-промышленного комитета.

Протопопов и Курлов.

Протопопов и Комиссаров.

Отношение Протопопова к Комиссарову, Распутину и Манасевичу-Мануйлову.

Письмо Протопопова к государю по случаю дня его именин.

Отношения между Протопоповым и Бурдуковым.

Обращение Протопопова к императрице с просьбою, в виду начала занятий думы, не приводить в исполнение решения государя, согласившегося с меньшинством совета министров.

Совещание трех министров о продовольственном деле.

Вопрос об усилении правого крыла государственного совета.

Письмо Бурдукова к Вырубовой о Протопопове.

Бадмаев, его записки.

Разговор Протопопова с Треповым о переходе на иной министерский пост.
М. Е. Головина и его близость к Распутину.

Протопопов и московские городские выборы.

О субсидии Котлецову из сумм секретного кредита.

Жалоба Котлецова на Протопопова.

Еще о деле Перена.

Операция Протопопова с векселями на покупку хлеба.

Кушнырь-Кушнырев, А. Н. Хвостов и Белецкий.

Черновик Бурдукова для речи Протопопова.

Признание Протопопова о поддержке, оказывавшейся ему Распутиным.

Председатель. — Будьте добры сесть.

Протопопов. — Разрешите представить вам мои заметки.

Председатель. — Это после. Комиссия имеет к вам несколько вопросов. Скажите, какие отношения существовали между вами и главным советом отечественного патриотического союза?

Протопопов. — Я такого названия не слыхал.

Председатель. — Это довольно широковещательная вещь. Я могу назвать вам лицо: во главе этого союза стоял Орлов.

Протопопов. — Орлов у меня был, он был прислан кем-то из наших сановников.

Председатель. — Он был или бывал у вас?

Протопопов. — Он был один раз, я ему тогда дал деньги — 2 тысячи рублей — на печатание брошюры (он мне потом отчет дал) и еще на какие-то надобности.

Председатель. — Что же это были за брошюры?

Протопопов. — Об одном из этих листков вы спрашивали.

Председатель. — Почему вы находили нужным дать ему эти деньги? Потому ли, что его к вам послал один из сановников, или потому, что брошюры вам казались имеющими государственное значение?

Протопопов. — Мне казалось, что нужно было поддерживать в то время патриотические и монархические начала, которые разваливались.

Председатель. — Что вы понимали под монархическими началами?

Протопопов. — Мне казалось нужным поддерживать и пропагандировать обаяние царя и царицы.

Председатель. — Но не понимали ли вы под монархическими началами такой государственный строй, который исключает думу?

Протопопов. — Нет, определенно нет.

Председатель. — Так что вы, значит, не симпатизировали организациям или течениям, которые стояли за уничтожение или, по крайней мере, за роспуск государственной думы, — за роспуск, а не за отсрочки?

Протопопов. — О роспуске много говорили, и правые крайние партии стояли на почве роспуска, но лично я не стоял на почве роспуска думы: мне казалось, что это всколыхнет еще больше.

Председатель. — Значит, вы не симпатизировали лозунгу о роспуске государственной думы?

Протопопов. — Я не симпатизировал роспуску и голосовал за перерыв занятий, а не за роспуск. Раз, по ошибке, во время голосования в совете министров, министр юстиции мне сказал, что я голосовал с ним за роспуск, но это было не так.

Председатель. — Про какого министра вы говорите?

Протопопов. — Министр Добровольский. Он мне сказал: «Мы с вами единомышленники». Но это не так, я был за перерыв.

Председатель. — Вы утверждаете, что по вопросам государственным, по вопросам политическим, вы ни в каких отношениях с г-жей Вырубовой не были, т.-е. не обсуждали с ней государственных вопросов? Вы подтверждаете это?

Протопопов. — Разговоры были постоянные с г-жей Вырубовой и с г-жею Ден. Но нужно сказать, что с сентября — я назначен был в сентябре — с сентября по январь, за 5 месяцев я видел Вырубову не так много раз. Если в 5 месяцах 20 недель, то я думаю, что Вырубову я видел раз 10.

Председатель. — Когда вы ее видели в последний раз?

Протопопов. — Перед тем, как она заболела корью.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Кажется, в январе или позже, — я не могу сказать точно... Это было не то, чтобы обсуждение государственных вопросов... — хотя, конечно, да, потому что все, что ей скажешь, как через граммофон, передавалось дальше. Я это прекрасно знал, и все, что хотел довести до сведения, говорил ей.

Председатель. — Значит, такая мысль: раз дума занимается вместо согласного труда, к которому ее призвал монарх, зловредной пропагандой, то она должна быть распущена, и чем скорее, тем лучше, — пока левая зараза не охватила широкие слои населения. Этой мысли вы сочувствовали, будучи министром внутренних дел?

Протопопов. — Я должен сказать, что с самого начала эта мысль высказывалась крайними правыми течениями; я тоже несколько раз высказывал ее, но не в такой форме.

Председатель. — Я говорю не о форме, а о мысли. Этой мысли — о роспуске думы, как занимающейся зловредной пропагандой, — вы сочувствовали?

Протопопов. — Я не мог ей сочувствовать, я считал это невозможным. Но я считал вредной агитацию думы, и 1-го ноября, когда сразу были резкие оппозиционные речи, они казались мне очень опасными.

Председатель. — Для вас или для страны?

Протопопов. — Я думал — для страны.

Председатель. — Позвольте, я вам прочту другую мысль: «По примеру первой думы, мы знаем, чего стоят эти пустые угрозы. Революции из-за думы теперь не может быть, ибо она для корней народа звук пустой...». Тут заключается мысль о том,

что дума не имеет никаких симпатий в народе и занимается пустыми угрозами. Таково было ваше понимание думы.

Протопопов. — Это то, да не то.

Председатель. — Этой мысли вы тоже не сочувствовали?

Протопопов. — Не сочувствовал. И вот на каком основании: по моему мнению, заслуга 3-й думы та, что она просидела 5 лет.

Председатель. — А эта дума?

Протопопов. — Я в ней был меньше, но во всяком случае, я не ожидал, что она станет на такой резко левый путь.

Председатель. — В чем заключается резко левый путь?

Протопопов. — Я теперь только понимаю, что за катаклизма была. Я тогда думал, что идея царя сильнее в народе, я это совершенно искренно думал. Но теперь вижу, что я ошибался.

Председатель. — Затем такая мысль: «Общественные организации подбираются из анти-правительственных элементов, и им же деньги даются, казенные деньги, обильно и с совершенно непонятной щедростью отпускаемые этим организациям...». Здесь заключается мысль о том, что организации эти занимаются пасквилями на высоких особ и всякими ненужными вещами, а им с невероятной щедростью отпускаются деньги.

Протопопов. — Это не точно.

Председатель. — Что значит не точно? Я говорю, что существовала такая мысль. Вы, как министр внутренних дел, симпатизировали этой мысли или нет?

Протопопов. — Я был уверен, что провести войну без организации нельзя, но организация представлялась мне не в той форме, в какой она есть и была. Она мне представлялась иначе — как организация земств, определенно законом утвержденная, а не в расплывчатых очертаниях. «Давались деньги с непомерной щедростью» — эта мысль у меня была. И, когда шел вопрос о продовольствии, меня спрашивали... — я плохо эту технику знал, и министры прижимали меня, спрашивали: «А как же деньги?» — Я отвечал: — «Так же, как вы даете земскому союзу».

Председатель. — Г.-е. на что вы давали деньги?

Протопопов. — На продовольствие.

Председатель. — Будьте добры, просмотрите эту бумагу, известна она вам или нет?

Протопопов (просматривает). — Совершенно верно. Вот оно — патриотическое.

Председатель. — Я уже вас спрашивал, вас, как министра внутренних дел, — эта мысль, центральная мысль этого сочинения...

Протопопов. — Она, наверное, очень правая.

Председатель. — Но, повидимому, эта надпись, сделанная вашей рукой, свидетельствует о некоторой симпатии вашей к этой мысли?

Протопопов. — Я не могу сказать, чтобы я этому вполне сочувствовал. Я никогда не сочувствовал...

Председатель. — Так вы сочувствовали этому или нет?

Протопопов. — В такой форме — нет, не сочувствовал. Это слишком резко, это гораздо правее, чем то, что я думал.

Председатель. — Вы знаете, кто автор этой бумаги?

Протопопов. — Нет. Должно быть, Орлов.

Председатель. — Да, Орлов, которому вы деньги давали.

Протопопов. — Потом он начал говорить мерзости и даже, как говорят, занимался шантажом.

Председатель. — Какую газету он издавал?

Протопопов. — Я не знаю, какую.

Председатель. — Скажите, раз вы не разделяли вполне эти мысли, зачем вы просили «дорогую, уважаемую Анну Александровну» Вырубову прочесть это? Зачем давали ей прочесть бумагу, которой вы не сочувствовали, находя, что она очень резка?

Протопопов. — Других же нет. Было очень много прислано разного рода брошюр. Конечно, я не скрываю, что вел не ту политику, которую надлежало вести.

Председатель. — Что это значит — других нет?

Протопопов. — Правая печать — она ужасно резка.

Председатель. — А левая менее резка?

Протопопов. — Нет, и та резка, только в другую сторону. Эта брошюра мне показалась дельной. В ней, если я не ошибаюсь, есть мысль о продовольствии, или о свободе торговли.

Председатель. — О торговле есть, а о продовольствии нет.

Протопопов. — Да, о свободе торговли: что она задавлена, что нужно свободные цены, что нужен частный почин.

Председатель. — Значит, вы находили нужным послать эту бумагу для прочтения «дорогой Анне Александровне». Скажите, вы часто посылали ей такого рода бумаги?

Протопопов. — Ведь это целая брошюрка.

Председатель. — Это не брошюрка, а бумага от председателя главного совета отечественного патриотического союза, от 25 января 1917 года, на имя «его высокопревосходительства г. министра внутренних дел», содержащая ряд политических рассуждений, направленный против думы, против существовавшего тогда конституционного порядка и, действительно, как вы правильно говорите, объявлявшая о том, что «государыня (бывшая императрица) является более русской по духу и православной по вере и искренно религиозному чувству, чем все эти новоявленные патриоты, чуждые народу космополиты, говоруны, холодные, расчестливые политики, сердце которых не сжимается болью от кровоточащих ран родины». Таким образом вы, судя по контексту, противопоставляли отношение к России бывшей императрицы и всех тех, кто именуется здесь говорунами и т. п., причем выходит, что дума полна этих говорунов.

Протопопов. — Г. председатель, всякая правая газета говорит то же самое.

Председатель. — Всякая правая газета говорит то же самое, но не всякую газету министр внутренних дел посылает г-же Вырубовой в Царское Село, чтобы она прочла.

Протопопов. — И доложила.

Председатель. — Кому доложила?

Протопопов. — Государю и государыне.

Председатель. — Государю и государыне или кому-нибудь одному из них?

Протопопов. — От государя было заявление...

Председатель. — Мы вас спрашиваем не как лично Александра Дмитриевича Протопопова, а как Александра Дмитриевича Протопопова — министра внутренних дел. Эта бумага направлена против существовавшего строя и стоит за изменение этого строя. Конечно, предполагается, что министр внутренних дел не революционер.

Протопопов. — Конечно.

Председатель. — И не стремится изменить существующий порядок. А между тем, он направляет эту бумагу, что называется, в сферы.

Протопопов. — Г. председатель, было такое положение, что такого рода слова казались поддерживающими монархический принцип. За них цеплялись, и я цеплялся.

Председатель. — Эти слова направлены к поддержанию не монархического принципа, а принципа абсолютной монархии.

Протопопов. — Разрешите мне сказать, вы, может быть, не вполне доверчиво ко мне относитесь, но об уничтожении думы речи не было.

Председатель. — А о роспуске думы?

Протопопов. — О роспуске думы много раз говорилось, но роспуск думы казался мне очень опасным.

Председатель. — Но эта бумага говорит, что он не очень опасен, потому что страна не на стороне думы.

Протопопов. — Это не я писал.

Председатель. — Не вы писали, но вы находили нужным направить эту политического характера бумагу, исходящую от «отечественного патриотического союза», который вы знали, как союз самодержавия, т.-е. реакционный союз, — вы находили нужным отправить ее в сферы.

Протопопов. — Рядом с этими были и другие бумаги, например, постановления московских съездов; они тоже были посланы, хотя они и другого характера. Разные бумаги посылались, но это не есть выражение тех мыслей, которые я проводил в жизнь. Я ошибался, очень ошибался в оценке положения, но не настолько, насколько здесь, — это уже слишком.

Иванов. — Александр Дмитриевич, но ведь вы, кажется, признаете, что в совете министров вы указывали на необходимость роспуска думы?

Протопопов. — Роспуска — нет. О роспуске говорили, но я за роспуск ни разу не голосовал. Это вышла ошибка, — так понял меня тогда Добровольский, который шел более прямо, нежели я. Я шел более уклончиво.

Иванов. — Вы не указывали на то, что роспуски эти можно неоднократно повторять: не поведет дума такую-то линию — можно ее распустить, потом опять то же самое...

Протопопов. — Я говорил, но не как мысль, а как пример, что в истории это бывало, что парламенты распускались, и многократно распускались, например, в Японии.

Председатель. — Т.-е. это были теоретические рассуждения, не имевшие отношения к нашей думе и не имевшие в виду практического применения?

Протопопов. — Нет, не имевшие практического применения. Это был разговор.

Иванов. — Но к чему вы это говорили?

Протопопов. — Я говорил, что роспуск — вещь теоретически возможная, что роспуском можно достичь практических результатов, но на известной почве.

Председатель. — Но вы не относили этого к России?

Протопопов. — Если бы от меня зависело распустить думу, я бы ее распустил. Я считал, что если дума будет идти в том же направлении, она поставит вопрос монархии на уклон.

Председатель. — Значит, вы считали, что думу нужно распускать до тех пор, пока вы не добьетесь правой думы?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Я вам прочту документ: «дума распущена. Это издевательство над думой, издевательство над народом...» (читает). Это ваш почерк (показывает документ)?

Протопопов. — Нет, не мой. Разрешите посмотреть, потому что я не помню.

Председатель. — Пожалуйста.

Протопопов. — Это я знаю, я припоминаю, это одно из...

Председатель. — Это сводка департамента полиции, сводка агентских данных.

Протопопов. — Но это не мой почерк.

Председатель. — Это по поводу собраний некоторых либералов, к.-д., 7 января на квартире кн. П. Д. Долгорукова, в Москве, под председательством члена государственной думы Милюкова.

Протопопов. — Я помню этот почерк. Но это не мои пометки. Однако, если дума, например, будет такая, как 14 февраля, то и я мог бы сказать, что это, наверное, «не надолго», потому что все шло к тому... И я теперь каюсь: я совершенно не оценил минуты. Ведь министру нужно делать не то, что он хочет, а то, что впору стране. Этого я совершенно не сделал.

Председатель. — Пожалуйста, посмотрите в пенснэ, может быть, вы узнаете, чья это рука.

Протопопов. — Это не моя рука. Вот эта схема — моя.

Председатель. — А эти пометки ваши?

Протопопов. — Это не мои пометки. Очень похоже на то, что это сделал Куколь. Это вероятно в то время, когда я был нездоров.

Председатель. — Куколь занимался политикой?

Протопопов. — Как же, он управлял министерством 1? месяца.

Председатель. — Значит, вы отрицаете, что это была ваша рука?

Протопопов. — Определенно не моя.

Председатель. — Теперь переверните и посмотрите. Вы говорите, что эта схема сделана вами. Что она значит?

Протопопов. — Представляя себе так. В центре государственная дума, которая является руководящим импульсом политического движения всей страны. Теперь,

если мы проведем черту, то сверху будет оппозиция. Выше оппозиции — верхи, под которыми я подразумевал великих князей и разную знать.

Председатель. — Значит, выше оппозиции — верхи. А кто же оппозиция?

Протопопов. — Внизу — революционные массы, которые создаются из организованных партий: из соц.-демократов, которые более организованы и более текут к думе и которые имеют связь с социалистами-революционерами, которые менее текут к думе и менее организованы. А в конце концов — монархисты.

Председатель. — Значит, это — социал-демократы; это — социалисты-революционеры, а это — монархисты. А это — над чем великие князья?

Протопопов. — Не великие князья, а знать. Великие князья имели свои особые кружки.

Председатель. — А что эти буквы означают? Вероятно союзы?

Протопопов. — Это значит (показывает) — Земский союз, это — Городской союз, а это — Военно-промышленный комитет. Так сказать, — организация.

Председатель. — Вот здесь написано — печать. Какова роль печати?

Протопопов. — Печать прогрессивная, это — оппозиция. Внизу — крестьянство, которое я считал совершенно инертным.

Председатель. — А что эти буквы означают?

Протопопов. — Не припомню. w281k

Председатель. — Что же значит вся эта схема?

Протопопов. — Вот что она из себя изображает: на какие слои можно, в итоге, опираться. Оказывается, что таких слоев нет. Мне представлялось отчаянное положение.

Председатель. — Значит, все это неприятные вещи то, что обозначено кругом, ибо Земский союз, Городской союз и Военно-промышленный комитет — оппозиция. Тут — социал-демократы, тут — социалисты-революционеры и монархисты. И все это сводится к думе?

Протопопов. — Не то, что сводится к думе. Государственная дума является концентрацией, т.-е. отражателем настроения страны.

Председатель. — По этому поводу может быть двоякого рода ход мысли. Один ход: «А если центр устранить? Что тогда будет?»

Протопопов. — Тогда будет очень плохо.

Председатель. — Во всяком случае все это расплзается, опереться не на кого. А потому, если на этот центр опереться...

Протопопов. — Тогда не было бы у меня того головокружения. Я сделал громадную ошибку, сделал громадный вред родине. Я признаю, и это заставляет меня глубоко страдать.

Председатель. — Почему же на этой записке под вашими словами сделана отметка Куколя?

Протопопов. — Это, наверное, не мои слова.

Председатель. — Наверное, не ваши? Может быть, это слова Куколя?

Протопопов. — Я бы сказал, что вероятно Куколя.

Председатель. — Зачем эта штука (показывает)?

Протопопов. — Вероятно, мы с ним толковали.

Председатель. — Я позволю себе указать, что это найдено у вас.

Протопопов. — Да, все бумаги найдены у меня.

Председатель. — Вы это подтверждаете?

Протопопов. — Конечно.

Председатель. — В этой отметке вылилось недоброе отношение к думе, по вопросу о созыве и роспуске думы, — не ваше отношение, а, по всей вероятности, Куколя?

Протопопов. — Г. председатель, чтобы быть справедливым, я должен сказать, что и я мог бы написать на каком-нибудь письме такую заметку. Я не думал, чтобы дума могла быть сохранена, — та дума, которая идет таким резким темпом против правительства. Но, вместе с тем, мне казалось, что силы, которые идут такой большой волной, — они несколько дробятся, т.-е. я их не оценил.

Председатель. — По содержанию первой бумаги, которая начинается со слов «глубокоуважаемая Анна Александровна», мы не будем больше задавать вопросов.w282k

Протопопов. — Я совершенно искренно вам говорю, что я брал курс, который не подходил к настроению страны. В этом я глубоко каюсь, это правда.

Председатель. — Но дело в том, что этот курс был вреден для страны.

Протопопов. — Так точно. Безусловно, раз не полезен, стало быть вреден.

Председатель. — Не соответствовать настроению, это — одно, а быть вредным, это — другое. Этот курс был вреден для страны, как вы сказали.

Протопопов. — Вреден потому, что он не соответствовал тому, что требовалось. Надо было понять дальше. Я этого не понял. И затем, разрешите доложить: мне казалось, что если теперь идти так быстро, то что же будет после войны? Вот почему я останавливался на другой мысли: что все-таки нельзя останавливать жизнь, надо что-нибудь делать. Значит, нужны известные реформы и одновременно всякого рода удерживания. Что же касается до законодательных учреждений, то члену думы Караулову, — он у меня был, — я дал схему: что я полагал тогда полезным сделать. Это есть ответственность министров перед особым присутствием.

Председатель. — Это вы уже говорили.

Протопопов. — Так что вы видите: не вполне я уже проводил то, что в записке союза русского народа имеется. Я очень плохо себя вел, как министр, но до этого я не дошел.

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, вот что: принимали ли вы участие в беседах, которые происходили у Римского-Корсакова?

Протопопов. — Ни разу.

Председатель. — А что вам известно об этих беседах?

Протопопов. — Он мне присылал записки, проекты и справки. У меня даже целая кипочка была, но я их не читал. Может быть, и прочел. Но это крайнее, очень крайнее течение.

Председатель. — Что?

Протопопов. — Это все крайние течения.

Председатель. — К которым вы не имели никакого отношения?

Протопопов. — Не могу сказать, потому, что они ко мне ходили, господа крайние правые.

Председатель. — Что значит ходили к вам?

Протопопов. — В контакте были. Они приходили, говорили об опасности, о том, какие, по их мнению, требуется принять меры. Я очень часто говорил «да, да», но это не значит, что я их в жизнь проводил.

Председатель. — Но скажите: почему к вам хаживали только представители крайних правых организаций, хотя вы говорили им «да, да» и этим ограничивались.

Протопопов. — Г. председатель. Вот в этом-то и беда. Я человек в этом отношении согрешивший. Я, будучи нетвердого характера, сильно поддавался той обстановке, которая вокруг меня сложилась. Я поддался ей и стал смотреть не с того угла, с которого следовало, хотя у меня в характере есть и другое: с общим громадным полевением я сам правую.

Председатель. — Простите меня, это частность, интимное свойство вашего характера. Нам интересны ваши действия, как министра внутренних дел.

Протопопов. — Так точно. Я на это скажу, что, в сущности, министр внутренних дел не должен делать политики. В обыкновенное время.

Председатель. — Но вы делали политику?

Протопопов. — Мало, г. председатель.

Председатель. — Вы, значит, не знакомы с содержанием этой записки?

Протопопов. — Очень вероятно, что читал, а может быть не читал (рассматривает записку). Помню, помню, читал. Да, тут целая программа.

Председатель. — Вы знаете, чья это записка?

Протопопов. — Римского-Корсакова, — тут написано.

Председатель. — Он препроводил вам эту записку при письме 15-го января.

Протопопов (просматривает записку). — Да, я помню эту записку.

Председатель. — Г. секретарь, будьте добры записать. Так вот, видите ли, одним из пунктов этой записки, программы этих людей, которые к вам приходили, был пересмотр основных законов в части, касающейся установления государственной думы, ее прав, обязанностей и проч. Значит, как программу, эта группа лиц ставила государственный переворот. Не правда ли? Потому, что пересмотр основных законов в части, касающейся установления государственной думы, примыкает у нас, как вы знаете, к тому кругу идей, который говорит или об уничтожении думы или о создании законосовещательной думы. Что же сделал министр внутренних дел, когда он 15-го января 1917 года осведомился из письма к «глубокоуважаемому Александру Дмитриевичу» о существовании такого кружка, который, как программу, ставит такие вещи?

Протопопов. — Особого внимания на это не обратил.

Председатель. — И продолжали сношения с этими людьми?

Протопопов. — Г. председатель, ведь это — утопия.

Председатель. — Это то, что здесь написано.

Протопопов. — Можно желать сделать я не знаю что; но провести в жизнь это немислимо.w284k

Председатель. — Почему? Если систематически распускать думу, если дума есть просто говорильня и не имеет никаких корней в народе, как сказано в той записке, которую вы рекомендовали вниманию «глубокоуважаемой, дорогой Анны Александровны»...

Протопопов. — Я 10 лет почти был в думе. Говорить о том, что корней нет, это было неправильно.

Председатель. — Как же вы препровождали к влиятельным сферам ту записку, которая по основным вопросам стояла против этого вашего мнения?

Протопопов. — Я препровождал туда решительно все, что мне казалось любопытным. Не только справа, но и слева. Например, все резолюции съездов. А это мыслимо ли? Конечно, было правое течение, и я безусловно стоял на стороне этого течения, но не в тех подробностях, как вы изволите говорить. Но очень право, очень право.

Председатель. — Значит, вы ничего не предприняли по отношению к Римскому-Корсакову, а напротив, — как вы сами сказали в показании, — когда он присылал к вам людей с просьбой о выдаче субсидий и настаивал на этом, вы эти субсидии давали?

Протопопов. — Я давал субсидии только Маркову и раз Орлову.

Председатель. — Извините, ваше ведомство давало субсидии десяткам людей и организаций и изданий.

Протопопов. — Изданий была масса.

Председатель. — И ваше ведомство тратило на это миллионы народных денег.

Протопопов. — Миллионы — нет, а на 1.000.000 в год была смета, и было до меня истрчено на правую печать.

Председатель. — В 1916 году и вы приняли участие в раздаче этих денег. Тут миллион шестьсот двадцать тысяч двести восемьдесят шесть рублей.

Протопопов. — Ну что же, обещается изданию в начале года, а потом выплачивается. Нет, я не говорю, чтоб я взял почин не давать субсидий правой печати.

Председатель (читает). — «Необходимо усилить правое крыло г. с. надежными людьми. В отношении колеблющихся членов государственного совета и сената должны быть приняты меры. Способов для этого много». Вы знаете, что этот пункт программы перед 1-м января 1917 года был реализован, правое крыло государственного совета было усилено. Вы разделяли мнение о необходимости усилить правое крыло государственного совета.

Протопопов. — Я думал, что у нас, собственно, двухпалатная система исчезла.

Председатель. — Я хотел бы прямого ответа на ясно поставленный вопрос.w285k

Протопопов. — У нас получилась однопалатная система, — это я чувствовал. А затем до выборов в государственный совет я ровно никакого касательства не имел.

Председатель. — Но вы считали необходимым усилить правое крыло государственного совета надежными людьми?

Протопопов. — Думал, что нужно. Но это вы мою душу спрашиваете. Я для этого ничего не предпринял и не мог предпринять.

Председатель. — Я не спрашиваю душу. Я выясняю ваши взгляды, как министра внутренних дел, на вопрос государственной важности.

Протопопов. — Г. председатель, я высказал с полной искренностью то, что я думал, но вместе с тем, я должен сказать, что не мог оказать на это никакого влияния и давления.

Председатель. — Значит, получается такое положение. Вы сочувствуете усилению правого крыла государственного совета. Вы в сношении с группой лиц, которые в программу ставят государственный переворот и, между прочим, усиление правого крыла государственного совета к 1-му января 1917 года. Эта часть программы реализуется. И при этом вы, сочувствовавший этому, поддерживавший сношения с этими людьми, программу которых вы знали, и не предпринимавший никаких мер против их деятельности, — все же не имеете никакого отношения к усилению правого крыла государственного совета.

Протопопов. — Не имею. Не могу иметь, потому что меня об этом никто бы не спросил. Это было совершенно вне компетенции даже совета министров.

Председатель. — Но ведь вас об этом могли спросить в Царском?

Протопопов. — Да, царь мог спросить. С царем я говорил про правую политику осторожно и мягко.

Председатель. — Что значит правая политика? Это значит поворот назад. Значит править без думы?

Протопопов. — Нет, г. председатель. Это будет уже не соответствовать истине. И государь это понимал.

Председатель. — Точка зрения государя более или менее выясняется. Но также выясняется и ваша точка зрения.

Протопопов. — Моя точка зрения очень совпадала с точкой зрения государя. И вообще я должен сказать, что быть может именно на этом свойстве некоторой уклончивости характера, которая имеется у бывшего государя и у меня, быть может, на этом был тот контакт, который произошел.

Председатель. — Я верну вашу мысль к декабрю. Вы помните, что тогда было одно закрытое заседание государственной думы? Какое это было заседание?

Родичев. — Запрос об отношении к общественным организациям. w286k

Протопопов. — Помню, помню, — в то время, когда Куколь правил министерством.

Председатель. — Эта бумага была подписана Куколем?

Протопопов. — Куколем и мной. Два раза это было. Один раз подписана мной, другой раз Куколем. Произошло это так. Безусловно запрос об общественных организациях повел бы за собой очень большие и горячие прения. Они считались неуместными. В совете министров, когда про это сообщили Трепову, Трепов сказал, что этому глубоко сочувствует, но так как он председатель совета министров, то не считает возможным подписать это требование.

Председатель. — Почему же, если он этому сочувствует, он, как председатель совета министров, не может подписать?

Протопопов. — Он говорил, что не желает этого подписывать. Он уклонился.

Председатель. — Почему?

Протопопов. — Этого я не знаю.

Председатель. — Вы последовали этому примеру?

Протопопов. — Еще я обратился к военному министру с тем же вопросом. Он говорит: «Может быть, да, лучше было бы, но я своей подписи не присоединю».

Председатель. — Военным министром был тогда Шуваев?

Протопопов. — Шуваев. Они были согласны с тем, что эта мера нужна, но не хотели подписать. Я ее подписал. Я был болен, но подписал, чтобы ответственность не пала на Куколя. А другой раз он подписал без меня.

Председатель. — Вы не делали отметку в том смысле, чтобы Куколь подписал без вас?

Протопопов. — Нет, как же это можно! Ах, как же можно! Это значило бы, что я желал бы возложить ответственность на него! Я сам подписал, а второй раз Куколь сам пожелал подписать. Я тогда не выезжал, я был болен. Это вам скажет Бехтерев, который меня лечил.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, вы доносили государю императору, тогдашнему главе верховной власти, вот об этих самых перерывах и закрытиях заседаний государственной думы?

Протопопов. — Наверное даже говорил.

Председатель. — Говорили, а не писали?

Протопопов. — Быть может, писал, не могу сказать. Я вообще очень мало писал ему. Я ему обыкновенно делал устный доклад. Но всеподданнейших докладов у меня очень мало...

Председатель. — Скажите, какое было ваше отношение к перерыву занятий думы перед декабрем? Вы настаивали на том, чтобы дума поработала больше? Или же полагали, что дума может работать сколько она сама хочет, — много или мало? Или, напротив, вы желали прекращения работ думы перед декабрем?

Протопопов. — Перед декабрем я момента не помню.

Председатель. — Точнее нужно сказать — перед Рождеством.

Протопопов. — У меня разные на этот счет были чувства. Одно время я думал: пускай она делает, как хочет.

Председатель. — Да, это, видите ли, чувства. Лучше будемте говорить о мыслях ваших, как министра внутренних дел, и в особенности о ваших действиях. Ваши действия к чему были направлены? К тому ли, чтобы предоставить думе работать, или чтобы скорей прекратить ее работу?

Протопопов. — Действия мои могли выражаться только голосованием. Г. председатель, ведь министр внутренних дел не являлся решителем судеб относительно думы. Решающий голос и, можно сказать, крайне решающий голос был в руках председателя совета министров.

Председатель. — Но ведь это зависит от самого министра внутренних дел. Может быть, министр внутренних дел с таким влиянием и с такими связями, что его голос имел бы больше значения, чем голос председателя совета министров?

Протопопов. — Но не мой голос.

Председатель. — Как позволите понять ваш ответ на мой вопрос: каковы были ваши действия, реализовавшие ваше отношение к думе?

Протопопов. — Только голосование.

Председатель. — Что вы делали для того, чтобы дума продолжала работу или же чтобы она пресекла ее перед Рождеством 1916 года?

Протопопов. — Определенно ничего не делал. Я этого вопроса мог касаться только в разговорах.

Председатель. — Какие у вас отношения были с дворцовым комендантом Воейковым?

Протопопов. — У меня были с ним, повидимому, хорошие отношения. Я говорю повидимому, потому что он человек очень скрытный, и трудно узнать его отношение.

Председатель. — Меня интересовали эти отношения не по качеству, а по содержанию.

Протопопов. — Я ему пересылал письма или телеграммы, которые я хотел, чтобы были доложены государю. Кроме того, я пересылал литературу.

Председатель. — Вы говорите — пересылали в том смысле, что если кто-нибудь пошлет телеграмму или письмо...

Протопопов. — И то, и другое пересылал. Это была как бы промежуточная инстанция. А чтобы я ему писал, этого я не помню.

Председатель. — Вы не помните этого? Я вам сейчас предъявлю документ, чтобы напомнить вам о том, что вы делали по отношению к думе перед Рождеством 1916 года, и в подтверждение того, что для проведения вашей политики по отношению к думе у вас был не только тот путь, о котором вы говорили: не только голос в совете министров. Вот, пожалуйста (передает телеграмму).

Протопопов (берет и читает телеграмму). — Эта телеграмма для царя. Совершенно верно.

Председатель. — Царская Ставка, свиты генералу Воейкову (читает).—«Скандал в думе, благодаря закрытому заседанию, которое было закрыто по бумаге министра внутренних дел, не удался...» Значит, вы телеграфировали Воейкову для того, чтобы он сообщил это государю?

Протопопов. — Несомненно, чтобы доложил государю. Дело в том, что, действительно, это является ошибкой, той ошибкой, о которой я сказал в самом начале: тогда были большие дни по признанию Милюкова, они соответствовали настроению всей страны и требованиям ее, более зрелым, нежели я предполагал. Я же вел курс старый...

Председатель. — Что значит курс старый?

Протопопов. — Курс до...

Председател. — Т.-е. править без думы?

Протопопов. — Это не так. Довольно того положения, которое есть. Правее не пойдет. Без думы невозможно.

Председатель. — Позвольте вам сказать уже, что можно было идти, и вы шли, повидимому, правее, чем вы нам говорите: князь Голицын нам удостоверил, что вы желали править без думы и отстаивали эту точку зрения.

Протопопов. — Князь Голицын? Очень сожалею. Он меня не понял. Я определенно скажу, что он меня не понимал, потому что последний раз я у него на квартире разговаривал с ним, и он говорил: «Вы, конечно, за роспуск?». Я говорю: «Извините, я за перерыв, но не за роспуск».

Председатель. — Но и за дальнейшие перерывы?

Протопопов. — Это показала бы сама жизнь. Но за роспуск дальнейший я не голосовал.

Председатель. — Вам известно, что эта телеграмма имела то последствие, что действительно был объявлен перерыв занятий государственной думы, и не после субботы (на субботу было назначено заседание думы), а как раз накануне субботы, т.-е. 16-го декабря?

Протопопов. — Этого я не знал.

Председатель. — Причем имею честь доложить Комиссии, что, как значится на телеграмме, телеграмма эта была зашифрованная, и отправлена она 14 декабря в 2 часа 45 мин. утра. Так вы помните, что действительно, как говорится в этой телеграмме, занятия думы были прерваны, не ожидая окончания повестки, а как раз накануне, т.-е. в пятницу, 16-го декабря?

Протопопов. — Это может быть, потому что желание было. Я помню, я боялся скандала.

Председатель. — Это уж ваш мотив, но факт остается фактом. Таким образом, быть может, и вы согласитесь с тем, что у вас были способы влиять на факт такой крупной государственной важности, как перерыв занятий думы, не только одним своим голосом в совете министров, но и иными путями.

Протопопов. — Г. председатель, посылать Воейкову телеграммы мог всякий министр, и я думаю многие ему посылали. А затем это есть сношение с государем; так на это и нужно смотреть. И действительно... я очень боялся больших, резких дней в думе, потому что каждый раз поднималось значительно настроение в стране.

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, вот мы вам задавали вопросы о вашем отношении к патриотическому союзу, к группе Римского-Корсакова. А в каких отношениях вы стояли к группе русских националистов Балашева?

Протопопов. — Я был два раза у Балашева и очень откровенно беседовал с ним целый вечер. Там я себя чувствовал хорошо, я видел там людей, к которым я привык, давно знаком и которые в итоге понимали, что я хочу делать. Они понимали правильно. Я рассказывал то, что хочу делать, говорил, что настроение поднятое, нужно выждать, нужно покойно провести это время, а затем, по возможности, дать известные органические законы, которые так или иначе пошли бы навстречу необходимости. Вот эта схема.

Председатель. — Это ваша надпись? (Показывает документ.)

Протопопов. — Да, совершенно верно. Это я помню.

Председатель. — Я вернусь еще раз к бумаге Римского-Корсакова. В программе Римского-Корсакова стоит: «Организация мощной ежедневной патриотической печати в крупных центрах страны, не менее 10—12 органов, и влияние на существующие органы печати». Вы этот пункт программы разделяли?

Протопопов. — Вот какого рода мысль была: из «Московских Ведомостей» сделать большую правую газету, потому что нужно усилить правую печать.

Председатель. — Нужно организовать мощную патриотическую печать?

Протопопов. — Мне казалось это необходимо. Разрешите так сказать. Ведь я защищал старый строй...

Председатель. — Что значит старый строй? Если вы имеете в виду строй, который существовал в 1916 году, когда вы были министром внутренних дел, то в этот строй входила государственная дума, ее работа и ее законодательные права. Вы защищали работу государственной думы или шли против нее?

Протопопов. — Я определенно скажу, что против существования государственной думы, законодательной и даже с некоторым расширением ее прав, я не был. Я никогда не говорил об уничтожении думы. Это была бы невозможная вещь.

Председатель. — Вы много раз это подчеркиваете. Давайте логически рассуждать. Можно достигнуть отсутствия думы не путем ее уничтожения, а путем целого ряда перерывов ее занятий, а в промежутках — путем давления на выборы. Вот вы и хотели давить на выборы и добиться, таким образом, отсутствия думы в стране.

Протопопов. — Разрешите мне сказать, что это чужие мысли мне приписывают, причем уклоняются от истины и приписывают чуть ли не мне практические шаги, предпринятые до меня, а может быть и не возобновленные.

Председатель. — Какие практические шаги, до вас предпринятые?

Протопопов. — Относительно выборов. У меня пустая папка выборов была в столе; никаких шагов предпринято не было. Между прочим, я думал, что правые организации при выборах могут играть известную роль.

Председатель. — То-есть, что правыми организациями можно пользоваться. А вам известно, что в программу правых организаций, т.-е. тех, которыми вы предполагали пользоваться, входило восстановление самодержавия и уничтожение государственной думы?

Протопопов. — Они существовали и считались легальными. С ними в блок входили. Все равно как, например, считались, может быть, нелегальными левые партии, но с ними в блок входили.

Смиттен. — После того, как вы получили записку от Римского-Корсакова от 15-го января, вы имели с ним беседу?

Протопопов. — Он ко мне редко ходил. Был всего раза два.

Смиттен. — Вы как-нибудь реагировали на получение этой записки? Или не придали ей никакого значения?

Протопопов. — Большого — нет.

Смиттен. — Вы не обратили внимания, что в программе деятельности, которую считал необходимым отстаивать этот кружок, указывалось на пересмотр основных законов, касающихся государственной думы, ее прав и обязанностей?

Протопопов. — Это я слышал.

Председатель. — Или, может быть, читали в той записке?

Протопопов. — Это я помню.

Смиттен. — Вы ознакомились с этим? Но как же вы истолковали это? Так ли, что они предполагают изменить основные законы через государственную думу, или же так, что они хотят изменения законов помимо государственной думы?

Протопопов. — Я на это улыбнулся, я скажу правду.w291k

Смиттен. — Значит, к этому перевороту справа вы относились спокойно? Вы не реагировали, как министр внутренних дел на обязанности которого отстаивать существующий конституционный строй?

Протопопов. — Кружок Римского-Корсакова и все правые кружки не имели силы. Они, как говорил Марков 2-й, прозябали.

Смиттен. — Значит, вы, как министр внутренних дел, не реагировали на это никакими действиями, считая, что это союзы ничтожной величины?

Протопопов. — Да.

Смиттен. — Но продолжали субсидировать их деньгами?

Протопопов. — Надеюсь, что потом прекращу субсидии деньгами, которые им давались. Но как же мне прекратить?

Председатель. — Вам был поставлен вопрос: «Вы их субсидировали?» — вы ответили: — «Как же мне прекратить?» Я бы хотел более прямого ответа.

Протопопов. — Конечно, давал, а смотрел на это так, что если будет несколько побольше телеграмм в газетах, побольше правых строк, правизна поддержит. Но придавать ей какое-нибудь серьезное значение, большое, нельзя было.

Родичев. — Вам известно участие Римского-Корсакова в погромах в Ярославле?

Протопопов. — Нет, я его мало знаю, я его видел 4—5 раз. Разрешите мне сказать. Союз русского народа, как таковой, я знал; о его деятельности раньше говорил в думе. Я говорил: «Господа, было время, когда это было царство в царстве, я помню время, когда Пуришкевич писал Камышанскому вернуть эту бумажку, — он не знал, что делается под носом, кто он». Я считал, что при первом незаконном отношении или «ноги на стол» с их стороны, как я выразился, я всякие субсидии им прекращу.

Председатель. — Но что же вам еще, как министру внутренних дел, нужно было? Вам говорят: «Вот мы выработали программу в прошлом заседании. Пожалуйста, ознакомьтесь с ней, многоуважаемый Александр Дмитриевич». Ведь вы видели, что это программа реакционного переворота?

Протопопов. — Эта программа не новость. Эта программа существует с тех пор, как я в думе, — 10 лет. Это не специальная выдумка для нынешнего момента.

Председатель. — Но почему Римский-Корсаков препровождает эту программу вам?

Протопопов. — Неужели они только мне посылали? Неужели они всем министрам не посылали?

Председатель. — Они могли послать другому, третьему, но зачем они послали министру внутренних дел? Имейте в виду, что мы интересуемся Александром Дмитриевичем Протопоповым, как министром внутренних дел.

Протопопов. — Он нового ничего не сделал. Он был продолжателем той политики, которая была.

Председатель. — Цензура на все время войны для полного успокоения страны.

Протопопов. — Цензура была в руках военных, и она отвратительно вообще делалась.

Председатель. — В каком смысле?

Протопопов. — Я этого дела очень мало касался.

Председатель. — Вот, например, дума 1—2 ноября громит Штюмерера и Протопопова. На следующий день страна, вместо речей депутатов, получает листы белой бумаги, белые полосы. Я вас спрашиваю, что же делал в этом случае министр внутренних дел, который хорошо относился к печати?

Протопопов. — Министр внутренних дел никакого отношения к печати не имел. Я не мог запретить статью и не мог ее разрешить. Это делалось военной цензурой. Я мог только просить о том, чтобы пропустили статью.

Председатель. — И вы сделали это относительно речей депутатов, которые разоблачали вас и Штюмерера?

Протопопов. — Я этого не сделал, конечно, не просил о том, чтобы печатали эти речи, но я не принимал никаких мер, чтобы их не печатали. Вообще, если мне хотелось что-нибудь пропустить, например, Меньшикова статью, которую запретили, я просил, ходатайствовал это разрешить. А разрешать печать я не мог. В этом-то и заключается ошибка в запросе государственной думы, которая сказала, что министр внутренних дел имеет...

Председатель. — Меня интересует другое. Вы считали незаконным вмешательство военной цензуры в цензуру политических речей депутатов, направленных в интересах страны к разоблачению действий министра внутренних дел и председателя совета министров... Вы считали это незаконным?

Протопопов. — Военная цензура могла запрещать всем, — это не было незаконно. Военная цензура могла не только запретить печатать, она имела право прямо закрыть все газеты. У нее были невероятно широкие права.

Председатель. — Позвольте мне перейти к другому вопросу, который вы затронули. Вы сказали, что вы ровно ничего не сделали для подготовки предстоящих выборов, что у вас была даже пустая папка, на которой было написано «выборы», и что там ничего не было. Будьте добры, посмотрите эту записку.

Протопопов (смотрит записку). — Я этой записки не видал.

Председатель. — Она очень длинная, я вам ее потом покажу. Значит, вы этой записки не видели?

Протопопов. — Я не помню, я ее не читал.

Председатель (обращаясь к секретарю). — Занесите, пожалуйста, что была предъявлена записка, которая начинается w293к словами: «Рассматривая вопрос о возможности проведения выборной кампании...».

Протопопов. — Разрешите мне сказать. Я по выборам в думу никаких действий не предпринимал и ни с кем особого, большого разговора не вел.

Председатель. — А приписка ваша?

Протопопов. — Приписка моя.

Председатель. — Это записка от 15 ноября 1916 года.

Протопопов. — Но я не знаю, по какому это делу. Во всяком случае это для меня новый документ. Например, если бы меня спросили: «Хотите, чтобы в думе было большинство к.-д.?» Я бы сказал: «нет».

Председатель. — Мы стараемся выяснить вопрос о вашем отношении к выборам в государственную думу, стараемся документально проверить правильность вашего утверждения, что вы по этому вопросу ничего не делали.

Протопопов. — Когда я пришел, уже до меня были некоторые начала выборной кампании. Кредит был запрошен до меня. Вопрос об этих кредитах побудил меня говорить о том, что всякого рода специальные кредиты должны быть проверены не только министром внутренних дел, но и контролером.

Председатель. — Так что вы ничего не делали и никаких кредитов не брали?

Протопопов. — Не брал.

Председатель. — Позвольте мне огласить это письмо. «Управляющий министерством внутренних дел. Совершенно доверительно. Милостивый государь, осенью прошлого года, с истечением срока полномочий.....» (читает). — Это письмо от 15 декабря.

Протопопов. — Это верно. Это было разослано циркулярно всем губернаторам.

Председатель. — За вашей подписью?

Протопопов. — Это только статистический подсчет, это не выборы.

Председатель. — Я не говорю, что вы приступили к выборам, а к подготовке.

Протопопов. — Подготовка есть покупка цензов, а это справка. Меня спрашивают: «Как вы думаете, можно делать выборы или нет?» Что мне делать, чтобы дать ответ? Нужно запросить губернаторов о том, можно провести выборы или нет. Списки избирателей есть, — какой будет результат?

Председатель. — Давайте под понятием — подготовка к выборам — понимать не только покупку цензов, но вообще подготовку выборов. А из этой бумаги видно, что губернаторам предписывалось сообщить вам, как изменился состав избирателей, — кто w294kбудет лишний, кто лишен возможности осуществить свои избирательные права, с указанием более видных избирателей.

Протопопов. — Скажите мне, пожалуйста, как же я должен был поступить, если это неправильно?

Председатель. — Я просто мотивирую то, что некоторые меры подготовительного характера к выборам в думу вы принимали.

Протопопов. — Я хотел себе представить картину. Этой картины я не получил, ибо ответ не был мне представлен, сводка не была сделана.

Председатель. — Позвольте огласить письмо от 6 декабря. «Совершенно секретно. Директор канцелярии министерства внутренних дел. — По докладе мною его величеству о желательности ныне же приступить к подготовительной работе в 5-ю государственную думу...» (читает).

Протопопов. — Это — да, но это не есть подготовка. Это было так: «Когда будут выборы, надо приступить к их подготовке». — «Так точно, приступим». А раньше была истрачена некоторая сумма, довольно значительная. И вот я говорю: «Если необходимость будет, то придется испросить вновь, потому что никаких денег не осталось от того, что было взято». Тогда мне было сказано: «Войти в сношение с министерством финансов и переговорить».

Председатель. — Что вы предполагали сделать с теми миллионами, которые были ассигнованы на это?

Протопопов. — Я положительно не получал миллионов; я не брал их.

Председатель. — Что вы предполагали делать?

Протопопов. — Я никогда выборной кампании не вел; значит, я совершенно не мог представить себе, как ее проводить.

Председатель. — Но вы требовали себе деньги на выборы?

Протопопов. — Ни единой копейки не взял.

Председатель. — Я вас спрашиваю — требовали ли вы деньги?

Протопопов. — Если бы я их требовал, мне бы их дали, но я не требовал.

Председатель. — Позвольте доложить комиссии следующее: «Милостивый государь, Петр Львович, по всеподданнейшему докладу моему его величеству...» (читает письмо от 23 октября 1916 года). — Значит, вы докладывали государю о желательности приступить к подготовительной работе по предстоящим выборам.

Протопопов. — Я забыл, что я это написал.

Председатель. — Очевидно, что вы забыли, потому что вы отвечали, что вы не требовали.

Протопопов. — Извините, я ошибся.

Председатель. — Мой вопрос остается в силе. Значит, министр внутренних дел готовится к выборам за год и получает в свое распоряжение 2 миллиона рублей. Что министр внутренних дел предполагает делать с этими 2 миллионами?

Протопопов. — Я не знаю, потому что я их не проводил, но эти суммы обыкновенно затребовывались.

Председатель. — Вы докладывали государю, что нужны деньги на выборы?

Протопопов. — Это безусловно докладывал, потому что так делалось. Их проводил, кажется, Харузин. Это есть известного рода проведение выборов. Я мог, но наверное не дошел бы до больших нажимов на закон.

Председатель. — А маленькие нажимы в чем заключаются?

Протопопов. — Покупка цензов — это есть нажим.

Председатель. — Т.-е. вы дошли бы до покупки цензов, иначе говоря, до фальсификации выборов. Но неужели вы думаете, что эти 2 миллиона пошли бы только на покупку цензов и ни на что больше?

Протопопов. — К счастью, господь меня избавил.

Олышев. — А вы получили ответ относительно этих 2-х миллионов?

Протопопов. — Совершенно не помню, я их не получал и не расходовал.

Олышев. — Вы эти суммы спрашивали, или они раньше были ассигнованы?

Протопопов. — Да, они ассигновывались, только не при мне. Я слышал, что — да.

Смиттен. — На подготовку выборов в 5-ю государственную думу деньги были уже ассигнованы и затем истрачены?

Протопопов. — Да, я так слышал. Оттого-то я и просил государственного контролера.

Председатель. — Разрешите перейти вот к какому вопросу. Вы несколько раз говорили нам о вашем благожелательном отношении к думе. Но мы установили, что перед Рождеством, не через председателя совета министров и не как член совета министров, а через Воейкова, вы указывали государю на необходимость, во избежание скандала, нанести удар думе накануне того дня, когда она должна

была собраться. В думе в субботу предполагали собраться депутаты, чтобы разрешить дела. Оказывается, в пятницу — роспуск. Я хочу знать, были ли другие случаи, когда вы занимали такую же позицию, т.-е. тем же путем настаивали на отсрочке, как вы говорите, или на роспуске, как мы это называем роспуском в общежитии, так сказать, юридически понимая эту разницу?

Протопопов. — Я вполне понимаю. Я служил тому, что было. Например, вы говорите — скандал. Да, этот скандал имел вообще громадное влияние.w296k

Председатель. — Вы изволили сказать, что вы служили тому, что было. Но то, что было, не представляло собой единого целого; в том, что было, существовали различные политические течения. К концу 1916 года эти политические течения резко разделились на два лагеря, как вам известно: за думу и против. Так вот, значит, вы говорите, что служили тому течению, которое было против думы? Так нужно понять?

Протопопов. — Разрешите мне сказать. Ведь дума шла против того, что было. Ведь дума безусловно двигала жизнь вперед. Ведь это и не может быть иначе. Раз есть народное представительство и монархия, то народное представительство будет давить на права монархии, расширяя свои права. И вот я лично сделал ту ошибку, что перестарался и не давал ходу этому расширительному толкованию ее прав, — ибо нельзя же сравнить думу, ныне существующую, с думой 3-го созыва. Ведь разница была громадная, и импульс, который она давала стране, был настолько велик, что она мне казалась опасной. Вот вследствие этого и было старание избежать скандала...

Председатель. — Я не могу никак примириться с такой постановкой вопроса. Мы обсуждаем большой важности государственный вопрос, как относился министр внутренних дел к той или иной политике, а вы говорите, что заботились об устранении скандала. Скандал, это такое маленькое явление сравнительно с тем большим, по поводу которого мы ставим вопросы, и вы даете такие ответы!

Протопопов. — Я сделал ошибку, я не понял, насколько неизбежно было движение в стране. Я не мог влиять на него решающим образом, но, конечно, я не шел тем путем, которым должен был идти.

Председатель. — Позвольте просить ответить на мой вопрос. Были ли другие случаи, когда вы становились против думы, добиваясь, чтобы она не занималась, и шли тем же путем?

Протопопов. — Вероятно вы подразумеваете перерыв по 14 или 20 февраля? Помнится, так.

Председатель. — Так вот вы сейчас нам скажете, к какому времени относится этот документ (читает): «Царская Ставка. Дворцовому коменданту свиты генералу Воейкову. Не сочтете ли необходимым доложить следующее...» (читает). — Будьте добры, эта поправка вашей рукой сделана или нет?

Протопопов. — Эта да, это я помню.

Председатель. — Вашей рукой. Так, занесите в протокол: предъявлен такой-то документ. К какому времени это относится?

Родичев. — Очевидно, перед ноябрем, перед возобновлением заседаний.

Председатель. — Получается такое впечатление — и мне хотелось бы, чтобы вы дали объяснения по поводу этого — w297kчто не было такого момента в вопросе о том, работать ли думе или не работать, когда вы стояли бы за ее работу. Вам предъявляются принадлежащие вам документы, относящиеся к различному времени, и ваша позиция — неизменно та же.

Протопопов. — Я теперь припоминаю. Роспуска тогда не было. О перерыве, может быть, шла речь. Очень плохой документ, г. председатель, совершенно верно. Очень сожалею, что я подписал.

Председатель. — Мне хочется установить правильность моего общего положения. Перед нами документы, относящиеся к различным острым политическим моментам, когда министр должен был сказать, что он за думу, за закон, ибо строй без думы или с думой не функционирующей — это не есть существующий строй. Но мы систематически доказываем, что министр внутренних дел за краткое время своего пребывания у власти был против думы.

Протопопов. — Я только одно могу сказать. Этот министр внутренних дел действительно попал за короткое время в такие обстоятельства, в какие ни один министр не попадал. Следовательно, он действовал, быть может, под нажимом всех тех впечатлений, которые в это время были. Это оправдание, господа, больше ничего.

Председатель. — Простите, приходится вам вот что сказать. Ведь были другие министры, которые поддерживали иную точку зрения, и в каждом заседании, даже в официальном заседании совета министров, мы замечали две группы министров. Но министр внутренних дел неизменно на стороне.....

Протопопов. — Не неизменно.

Председатель. — По вопросам, по крайней мере, политическим, по вопросам о думе.

Протопопов. — А по вопросам о религии, об ассигновании на всякого рода нужные вещи, по вопросам торговли, по вопросам экономической политики, по вопросам об учебных заведениях, по национальным вопросам...

Председатель. — Мы сейчас расследуем политический вопрос. Этот политический вопрос, конечно, вертится у нас около думы, государственного совета и совета министров. Так вот, по этому политическому вопросу.

Протопопов. — Тут я вел себя совершенно вредно.

Председатель. — Т.-е. вредно для дела?

Протопопов. — Вредно для дела.

Ольденбург. — Я хотел бы спросить вас вот о чем. Две комиссии, военная и законодательных предположений — верхней палаты, комиссии, состоящие из

людей, в общем чрезвычайно умеренных, людей известного возраста и потому, конечно, не способных на чрезмерные увлечения, постановляют подавляющим большинством пересмотреть неправильное решение свода законов, а министр внутренних дел не усматривает в этом обстоятельстве ничего иного, как только какое-то преступное соглашение двух палат. Неужели поведение верхней палаты не вызвало в нем никаких мыслей о том, что, может быть, тот путь, по которому он идет, есть ложный путь? Вот вопрос, который я все время хотел задать вам.

Протопопов. — Очень часто я думал, в особенности тут, отдавая себе отчет в том, что я делал. Я вижу и признаю, что я сам был не я, потому что все, что я слышал, все то, что меня поддерживало, все это, как сказал мне Дорошевич: «загоняло меня в правый угол».

Председатель. — Разрешите задать вам следующий вопрос. Нам нужно суммировать ваши отношения к Вырубовой, чтобы это было совершенно точно. Вы пользовались Вырубовой для известной цели?

Протопопов. — Да, для передачи записок.

Председатель. — Я бы сказал в более общей форме: для проведения некоторых ваших мыслей.

Протопопов. — Вот как было обыкновенно. Когда государь уезжал в Ставку, он говорил: «Если вам что нужно передать, то скажите государыне. Она мне каждый день пишет. Она мне сообщит». Государыня же говорила: «Напишите Анне Александровне». Вот каким образом этот путь был несколько предуказан. Верно это, верно вы изволите выражаться, что если что-нибудь хочешь сказать, или ту или другую мысль выразить, то и напишешь ей. Это верно.

Председатель. — Я бы понял эту формулировку, если бы бывший император сказал так А. Д. Протопопову: «Если вы хотите что-нибудь передать, то пишите моей жене». Жена могла сказать: «Пишите близкому мне человеку». Но как мог министр внутренних дел пользоваться этим путем? Ведь вы были член официального правительства. Есть председатель совета министров, возбуждается серьезный вопрос, а вы пытаетесь провести свою точку зрения каким-то таким не формальным путем.

Протопопов. — Г. председатель, я понимаю; но я вас уверяю, этот путь не мной выработан. Это есть обычай. Этот обычай давно велся. Конечно, теперь я почувствовал, в чем была главная ошибка и мой грех. Но что было неправильно в корне, так это отношение к империи, как к вотчине.

Председатель. — Отношение к империи, как к вотчине?

Протопопов. — Вотчинное начало... И я в этот хомут вполне вошел. Мне надо было против этого спорить, а я влез туда и все время эволюционировал не в ту сторону, куда нужно.

Председатель. — Но позвольте обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Ведь в политической жизни страны, в которой вы принимали участие, было

несколько течений. Вы говорите, не я один. Но были люди, которые пользовались вашим путем, и были люди, которые им не пользовались. Были и министры тоже, скажем, Хвостов, Алексей Александрович, ваш предшественник.

Протопопов. — А. А. Хвостов. Знаю и считаю его очень чистым человеком.

Председатель. — Во всяком случае, не пользуясь этими путями?

Протопопов. — Я не знаю этих сторон его жизни.

Председатель. — Может быть, их и не было?

Протопопов. — Во всяком случае, я своих грехов не скрываю и определенно говорю — я ужасно заблудился в этом лабиринте. Я попал в такую среду, и это мое несчастье. Это меня сгубило. Я попал в такую среду, как Бадмаевский кружок. Тут причиной моя болезнь, — долго сидел у него, в течение почти 9-ти месяцев. И там я встретился с этими людьми... ближе, ближе. Это меня сдвинуло.

Председатель. — Вы кого имеете в виду?

Протопопов. — Там я встретил... Бадмаев сам по себе непосредственный, может быть, человек, но там я встретил Курлова, Распутина. Первоначальные мои опасения, по мере того, как я там жил, притуплялись. У меня притуплялась нравственная брезгливость. И, когда притупилась, тогда произошло то, что привело меня к беде.

Председатель. — Позвольте огласить письмо (читает): «Глубокоуважаемый Александр Дмитриевич. Меня просили вам передать, что вас не приглашают к завтраку... Анна Вырубова».

Протопопов. — Это, вероятно, после моего разговора с государем, когда я ездил в ставку и сказал ему, что должен уйти.

Председатель. — Это когда было?

Протопопов. — В ноябре.

Председатель. — Ваша память не изменила вам. Это письмо от 23 ноября. Это письмо Вырубовой. Но что значит «меня просили?» Повидимому, дело идет скорее о государыне, чем о государе.

Протопопов. — Мое впечатление было такое, что это все равно.

Председатель. — Вот и в этом письме есть некоторая конспиративность, — мы уже подходили к этому вопросу. Помните, в одном из предыдущих допросов, когда мы установили, что вам дали в Царском кличку Калинин, кажется, в связи с этим же письмом? Что заставляло вас прибегать к такой неясности?

Протопопов. — Это обычная манера недоговаривать.

Председатель. — Чем объясняется, что люди, стоящие на вершине власти, как бывшая императрица, и их окружающие, w300kприбегали к таким приемам? Они обратились в какой-то конспиративный кружок, которому нужно от всех скрываться.

Протопопов. — Потому что тут был стыдливый пункт — Распутин. Это был ужасно, так сказать, деликатный пункт. И опять-таки говорить ли теперь, что я хотел сделать. Все-таки, быть может, это имеет значение. Мне казалось, что Распутин, сам по себе, приносит большой вред монархии. Я это думал, — большой вред, — и было время, когда я очень старался собрать документы против него.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Это было в конце 3-й государственной думы. И документы у меня были. Затем, когда я его увидел, с большим интересом, я был уверен, что могу ко всякому человеку подойти. Неосторожность — моя отличительная черта. Мне казалось, что я подойду и не замараюсь. Когда я подошел, увидел Распутина, первое время мне было неприятно. Я скрывал это, а затем мало-по-малу, я привык. Вероятно, то же, что сделалось в Царском. Я видал его раз 15–20, не так много, как все говорят, я старался подсчитать в своей памяти. А затем позвольте, г. председатель, наверное у вас тут есть еще те слухи чудовищные, которые про меня распускали в думе: будто бы я когда-то в Царском старался сеять мысли, что в меня переселился дух Распутина. Я прямо утверждаю, что это форменная ложь. Я на похоронах его не был даже. Не знаю, где похоронен Распутин. Я этого не знаю. На могиле не был и никогда ничего подобного не было.

Председатель. — Но вот об этом конспиративном характере похорон вам кое-что известно?

Протопопов. — Как же. Мне было сказано — никого не пускать на эти похороны.

Председатель. — Кем было сказано?

Протопопов. — С Воейковым разговаривал.

Председатель. — А на панихиде не были ни на одной?

Протопопов. — Нет.

Олышев. — А на квартире его не были?

Протопопов. — Я был у него на квартире, когда приехала Вырубова и меня вызвала. Он ко мне никогда не ходил и не просил к себе.

Председатель. — После убийства-то вы приехали. Вы взяли на себя расследование, по крайней мере формально. Генерал Калинин взял на себя расследование.

Протопопов. — Какой же я расследователь?

Председатель. — Но ведь и портфель министра внутренних дел вы приняли, когда предполагали сделаться министром торговли.

Протопопов. — Это — зло моей жизни.

Олышев. — Это не из министерства внутренних дел было распоряжение, чтобы не печатать о Распутине? Одно время в газетах все было написано. Интересно

знать, от министерства внутренних дел или от военного министра? Вы принимали в этом участие? В Царском Селе вам было дано предписание, чтобы прекратить?

Протопопов. — Ну, конечно, это очень не нравилось.

Ольшнев. — Вы предвосхитили эту мысль. Вам дали понять император и императрица или через Вырубову?

Протопопов. — Государь никогда не скажет прямо. Он всегда промолчит. Вы отлично поймете, что он хочет сделать. От него приказания очень редко получались.

Председатель. — Позвольте поставить ребром вопрос. Вы отрицаете, что вы приезжали после смерти на квартиру Распутина? Но не приезжали вы затем, чтобы взять документы, которые могут компрометировать лиц из Царского Села?

Протопопов. — Между прочим, бюро было опечатано.

Председатель. — Вы опечатывали это бюро?

Протопопов. — Я думаю, генерал Попов. Он обыкновенно по этим делам ходил. Но я на квартире у Распутина не был, наоборот, хотел эту квартиру закрыть, чтобы не было дальнейших скандалов и скопищ.

Председатель. — Вы рассказали тут довольно откровенно, как вы думали, что подойдете и все-таки не замазаетесь. Разрешите задать вам в связи с этим еще один вопрос: в каких отношениях вы были с Сухомлиновым?

Протопопов. — С Сухомлиновым? В то время, когда он был министром, я был докладчиком военного закона.

Председатель. — А ко времени вашего министерства?

Протопопов. — Ах! При мне возник вопрос о том, чтобы его выпустить из крепости и заменить домашним арестом.

Смиттен. — Где возбудили этот вопрос?

Протопопов. — В Царском. Государь говорил со мной.

Председатель. — Когда? Вы не припомните, приблизительно, в каком месяце?

Протопопов. — Когда здесь был комендант Никитин.

Председатель. — Вы приезжали для свидания с Сухомлиновым?

Протопопов. — Это было по приказанию царя. Вероятно, это было в ноябре. Я не помню, положительно не могу сказать. Возникла мысль... Государь говорит, что вот долго так идет дело Сухомлинова; неужели я поверю, что он изменник; просто легкомысленный человек. — «Да, государь, может быть, и правда; чужая душа — потемки, а только что есть нехорошие стороны — денежная сторона». — «Да, — говорит, — это есть. Мне его жалко, старика; что вы думаете, если ему переменить меру пресечения, выпустить на квартиру? Домашний арест». — Я говорю: «Знаете, ваше величество, я думаю, что это дело неподходящее. Поднимется большой шум, я бы думал, что это не вполне подходящее».

Ускорить следствие — это следует, а затем, я говорю, можно было бы принять другую меру, если вам угодно сделать ему облегчение». Это место... — я никогда не был там, где теперь нахожусь, не видал этих камер, но представлял себе, что это нечто отвратительное. И вот я передал, что может быть — дать ему помещение получше, а затем дать ему право ходить гулять в крепости, но не выходить из крепости. Тогда государь говорит: «Вы думаете, это возможно?» — Я говорю: «По крайней мере, государь, это будет тихо, без всяких скандалов. Вы сделаете облегчение, а между тем скандала не поднимут». — «Ну, говорит, съездите к Никитину». Вот, почему я был у Никитина.

Председатель. — Меня интересует ваше отношение.

Протопопов. — Ничего из этого не вышло. Была принята другая мера, помимо меня.

Председатель. — Домашний арест. Но какие же были отношения между ним и вами?

Протопопов. — Совершенно никаких, — здравствуйте и прощайте, — когда я его встречал после суда, когда он свалился.

Председатель. — После какого суда?

Протопопов. — Т.-е. не суда, а следствия. Когда начали следствие, я долго его не видел.

Председатель. — Ну, а отношения между Сухомлиновой и вами?

Протопопов. — Я не ошибусь, если скажу, что она вряд ли меня любит. Она меня не любит, и я ее не люблю. Она у меня была очень мало, она два раза приезжала с просьбой. Она человек очень сильной воли и большого ума.

Председатель. — Вы были с ней в переписке?

Протопопов. — Она мне писала несколько просьб.

Председатель. — Вас не Распутин свел с ней?

Протопопов. — Нет, я знал Сухомлинова министром.

Председатель. — А не сблизились вы несколько под влиянием Распутина или через посредство Распутина?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Я прочту письмо: «Глубокоуважаемый Александр Дмитриевич, ради бога простите за назойливость, прилагаю записку о том жандармском ротмистре, о котором я уже просила...» (читает. Вот здесь останавливает внимание. Вы знаете, что Сухомлинов в тот момент, когда писалось это письмо, был человеком, к которому было предъявлено обвинение по 108 ст., и автору этого письма тоже было предъявлено обвинение по той же 108 ст. (кажется, я не ошибаюсь)?

Протопопов. — Я этого не знал.

Председатель. — Теперь невольно возникает вопрос: значит, эти два лица нашему русскому министру внутренних дел пишут — «наши сердечные поздравления», да еще — «с тремя последними выступлениями». Тут есть как будто некоторая неловкость. w303k

Протопопов. — Я должен сказать, что у меня с ней никаких сношений не было.

Председатель. — Но вы допускали эту переписку?

Протопопов. — Это, конечно, прискорбно. Но что же делать?

Смиттен. — О каком жандармском офицере она просила вас?

Протопопов. — Я не помню. Но я ничего не сделал.

Смиттен. — Она говорит об офицере, не называя его фамилии, говорит — «о котором я вас просила».

Протопопов. — Она два раза была. Вероятно, она написала на клочке.

Смиттен. — Я думаю, если бы она не рассчитывала на вашу память, она повторила бы его фамилию.

Протопопов. — Записка была, но я ее бросил в корзину.

Смиттен. — Значит, вы не помните фамилии этого офицера?

Протопопов. — Я определенно помню, что она написала эту просьбу.

Председатель. — У вас был доклад государю о том, чтобы воспользоваться роспуском думы для того, чтобы провести вопрос о продовольствии в том смысле, как вам этого хотелось?

Протопопов. — Это было. Но не совсем так. При первом моем разговоре с государем он мне поставил вопрос так: «Самое важное — продовольствие». Вообще все надежды по продовольствию возлагались на меня, — что я это устрою. Действительно, мне казалось, что я это сделаю, непременно устрою. Но вместе с тем, я никогда не говорил государю, что — «да, я это сделаю». Говорил, что «надеюсь, я с этим справлюсь». Это дело мялось, мялось, и в конце концов, государь решил, — я не помню, когда это было, — одним словом, он решил передать мне продовольствие по 87 ст. Тогда очень долго писался журнал. Опять от меня стали требовать дополнительных объяснений.

Председатель (предъявляет документ). — Это ваши поправки здесь сделаны? Ваши, несомненно!

Протопопов. — Я потом припомню, как это было.

Председатель. — Я не имею других вопросов по этому поводу. Я спрашиваю: вы это писали?

Протопопов. — Этого я не помню.

Председатель. — Но почерк ваш?

Протопопов. — Да, но я не помню.

Председатель. — Это письмо к Штюрмеру.

Протопопов. — Я должен сказать в дополнение к этому, что тут я просил государя императора приостановить уже подписанный им доклад, которым продовольственное дело передавалось мне, ибо подходило 1 ноября, т.-е. открытие думы, и по 87 ст. передавать казалось мне невозможно.w304k

Председатель. — По поводу письма Сухомлиновой я хотел бы еще спросить: почему вас поздравляют: «С удачным выступлением с Катениным?»

Протопопов. — Я его взял, когда ушел Удинцов.

Председатель. — Вы его взяли на пост начальника главного управления по делам печати?

Протопопов. — Да.

Председатель. — А что это за «удачное выступление с Военно-промышленным комитетом»?

Протопопов. — Не знаю, этого не было.

Председатель. — Поверьте, что я точно прочел (показывает письмо).

Протопопов. — Она пишет: «Амфитеатров выслан». — Совершенно верно, но не министерством внутренних дел.

Председатель. — Что же, министерство внутренних дел не имело к этому никакого отношения?

Протопопов. — Министерство внутренних дел предложило ему выехать за границу.

Председатель. — А когда он не уехал, — тогда что?

Протопопов. — Что же я мог сделать?

Председатель. — За что вы предложили ему уехать?

Протопопов. — Повод, это — акrostих, который он написал (начальные буквы), криптограмма, а сначала была резкая статья.

Председатель. — Значит «удачные выступления», это: Амфитеатрова — выслали, Катенина — назначили начальником главного управления по делам печати. А с Военно-промышленным комитетом что сделали? Вероятно, арестовали часть рабочих?

Протопопов ничего не отвечает.

Родичев. — Кроме провокаторов?

Протопопов. — Меня убивает эта штука. Что это такое? Разве там, действительно, были провокаторы? Я до сих пор не верю.

Председатель. — Теперь скажите вот что. Вы знали, что дума вместе, позволю себе сказать, вместе со страной относилась к Курлову в высокой мере отрицательно?

Протопопов. — Знал.

Председатель. — Не было такого момента, когда это вас начало беспокоить?

Протопопов. — Весьма.

Председатель. — Что же вы решили с Курловым сделать?

Протопопов. — Я хотел его взять, как командующего корпусом жандармов. А тут, после ноября, когда совершенно ясно выразилось непримиримое отношение, тогда...

Председатель. — Вы признаете, что допустили некоторую незакономерность, терпя Курлова около министерства внутренних дел?

Протопопов. — Это не есть незакономерность. Это есть громадная ошибка, даже больше.

Председатель. — Так, значит, вы его хотели вместо Татищева поставить? А с Татищевым что вы хотели сделать?

Протопопов. — Татищеву дать надлежащее назначение.

Председатель. — Какое именно?

Протопопов. — Ну, членом государственного совета, может быть.

Председатель. — Значит, из сената в государственный совет?

Протопопов. — Я не знаю, про что была речь.

Председатель. — Я могу сказать, что вы именно так и предполагали. Скажите, за что вы предполагали увеличить пенсию Комиссарову?

Протопопов. — Комиссаров был уволен по 3-му пункту.

Председатель. — За свою деятельность в качестве градоначальника?

Протопопов. — Да, в Ростове. После этого он приехал сюда, и тут произошли какие-то особого рода переговоры, мне понятные, но не точно мне известные, после чего этот 3-й пункт был уничтожен.

Председатель. — С кем были переговоры?

Протопопов. — Это было до меня.

Председатель. — Но вам хорошо известно это, скажите с кем?

Протопопов. — Это до моего назначения.

Председатель. — Но вы знаете, с кем он переговорил?

Протопопов. — Я даю слово, что не знаю. Но 3-й пункт был уничтожен. Затем была ревизия генерала Попова. Потом я послал Михайлова (второй раз) проверить генерала Попова.

Председатель. — Генерал Попов к каким выводам пришел?

Протопопов. — К ужасным.

Председатель. — Почему же нужно было проверять «ужасные выводы» Попова?

Протопопов. — Меня просил тот же Комиссаров.

Председатель. — Сам просил или кто-нибудь поддержал эту просьбу?

Протопопов. — Белецкий, мне думается, поддерживал... Я точно боюсь сказать.

Председатель. — И Распутин?

Протопопов. — Когда приехал Михайлов, Распутина уже не было, — мне так помнится.

Председатель. — Хорошо, значит, вас просили. Вам известна роль Комиссарова при Распутине? Как вы ее себе представляете?

Протопопов. — Я представляю так, что Манасевич был хранителем святого, а Комиссаров был в курсе всех дел.

Председатель. — Чьих?

Протопопов. — Распутинских и мануйловских. Это люди неладные.

Председатель. — Так за что же этому «неладному» человеку увеличить пенсию?

Протопопов. — За что? — Это я помню. Мне хотелось дать ему известную сумму, чтобы он уехал из Петрограда.

Председатель. — Мне непонятно: человек неладный, но при том, усилить ему пенсию; если же усилить пенсию, зачем высылать из Петрограда?

Протопопов. — Мне хотелось убрать из Петрограда этих людей. Я считал их людьми вредными, потому что они интриговали ужасно, болезную атмосферу создали; хотелось очистить.

Смиттен. — Вы так характеризуете Комиссарова: плохой, около него больная атмосфера; вы делаете ревизию, но ревизии не поверили.

Протопопов. — Я поверил.

Смиттен. — Раз поверили, зачем же вы назначили вторую? Вы понимаете, что израсходование средств на ревизии, это не есть дело государственной необходимости.

Протопопов. — Я смотрел на это, как на мелочи.

Председатель. — Значит, нельзя объяснить иначе, как просьбой?

Протопопов. — Вероятно, просьбой.

Председатель. — Но все-таки, за что же увеличить пенсию? Человек по 3-му пункту уволен, ревизия дает отрицательные данные, министр внутренних дел находит, что он человек неладный и даже просто скверный, — почему же увеличить пенсию?

Протопопов. — Для того, чтобы этот человек больше здесь не был. Вот, собственно, в чем была моя мысль: удалить его.

Председатель. — Амфитеатрова, чтобы он тут не был, выслали.

Протопопов. — Да, я тут уже думал об этом, но я не знаю, удалось ли бы это. Это вопрос.

Иванов. — Почему?

Протопопов. — Нашлись бы заступники. Конечно, я глубоко виноват, но уверяю, я пришел в очень тяжелое место, самое отвратительное, какое только можно себе представить. Я одно могу сказать: воровства не было. Это факт.

Председатель. — Позвольте мне огласить письмо. «Глубокоуважаемый и богом благословенный и обожаемый государь... (читает). Это вы писали? (Показывает письмо.)

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Тогда кто же? Эта рука вам не может не быть знакома?

Протопопов. — Это рука Бурдукова, который написал набросок того, что я бы написал.

Председатель. — Это проект вашего письма к бывшему императору по поводу дня его ангела 6 декабря 1916 г.?

Протопопов. — Это не было послано. w307k

Председатель. — Меня интересует другая сторона: значит, это рука Бурдукова. Теперь. «Ваше императорское величество, всемилостивейший государь, не имея возможности принести вам в день вашего ангела мои верноподданнические...» (читает.) Это кто писал? (Показывает.)

Протопопов. — Это моя рука. Но это тоже, я думаю, не было послано. Я так не пишу.

Председатель. — Я точно прочел.

Протопопов. — Я стараюсь вспомнить, было ли послано или нет.

Председатель. — Занесите, г. секретарь, что было предъявлено. Письмо это на бланке от управляющего министерством внутренних дел. Будьте добры сказать, кто это писал? (Показывает.)

Протопопов. — Не узнаю этого почерка.

Родичев. — Слова те же самые, что и у Бурдукова.

Протопопов. — Почти те же, но другая рука. Я не помню, г. председатель.

Председатель. — Какие отношения существовали между вами и Бурдуковым?

Протопопов. — Он часто ходил. Мы были в кавалерийском училище. Вероятно, когда-нибудь он был у меня...

Председатель. — Но это не почерк Бурдукова?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Вы давно знакомы с Бурдуковым?

Протопопов. — Я с ним знаком года три.

Председатель. — Вы говорите, вы были с ним в кавалерийском училище?

Протопопов. — Мы однокашники.

Председатель. — Как вы познакомились и по какому поводу?

Протопопов. — Я с ним встретился в Азовско-Донском банке, затем он стал бывать, и так познакомились.

Председатель. — Какое его общественное положение?

Протопопов. — Он был шталмейстером двора.

Председатель. — Это — звание, а что он делал в жизни?

Протопопов. — Я не знаю. Он и коммерческими делами занимается в значительной мере.

Председатель. — Он тоже член какой-нибудь патриотической организации?

Протопопов. — Да, он правый, но не такой безумно правый человек.

Председатель. — Я вернусь немножко назад. Я задал несколько вопросов, но забыл предъявить документ, сюда относящийся, — «2—3 октября. Совет министров — дороговизна» Что же, государь согласился с меньшинством?

Протопопов. — Он хотел мне передать.

Председатель. — А вы в меньшинстве голосовали?w308k

Протопопов. — Я и председатель совета министров.

Председатель. — Т.-е. вы и Штюрмер. Дело идет о продовольствии.

Протопопов. — 31 октября мой доклад государыне. Просил не приводить в исполнение решения.

Председатель. — Почему министр внутренних дел просит о неприведении в исполнение государыню, а не государя?

Протопопов. — Потому что это скорее. Я мог поехать в Царское, а государю нельзя было объяснить, меня это затрудняло.

Председатель. — Вы не представляете себе того, что вы говорите. Министр внутренних дел и глава верховной власти... отношения такие, что, очевидно, по представлении министром внутренних дел, государь, в силу предоставленной ему власти, соглашается с меньшинством совета министров. Потом министр внутренних дел решает не приводить в исполнение решение этого меньшинства. Так вот, на мой вопрос: «Почему вы об этом докладываете государыне?», вы отвечаете: «Это скорее».

Протопопов. — По докладу министра внутренних дел, государь решил присоединить свое согласие «и я» — к меньшинству. Я этого не мог докладывать. Все дело шло к тому, чтобы передать мне продовольствие.

Председатель. — Как оно шло? Вы боролись за это?

Протопопов. — Это не есть удовольствие — дело продовольствия, работать над этим делом. Это есть колоссальный крест, который... Я мог бы, может быть, это сделать.

Председатель. — Вы так думали и этого добивались?

Протопопов. — Я не добивался. Меня царь позвал и сказал: «Главное — продовольствие, можете ли вы что-нибудь сделать?» Я собирал, я работал.

Председатель. — Так что это была не ваша инициатива, а приказание?

Протопопов. — Не приказание, а программа: вот, что нужно делать. Когда пришло согласие государя, подходит сессия государственной думы. Как можно допустить? Накануне или 30-го, за день-два, по 87 ст. это — вещь невозможная. Что я мог сделать? Телеграфировать государю, это — долго. Между тем, если сказать государыне, то через 10 минут ее телеграмма в Ставке. Я тогда поехал к государыне и объяснил ей.

Председатель. — Так что это было сделано для скорости?

Протопопов. — Государыня была в курсе этого дела...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, почему же вы 28-го октября стояли за подписание журнала меньшинства, а 31 октября поняли, что накануне думы нельзя проводить закон в порядке 87 статьи?

Протопопов. — Было так. Сначала государь согласился, а потом я предложил устроить совет трех министров. Продовольственное дело было слишком связано с провозом и земледелием. Уже существовала организация, которая была желательна. Значит, нужно было все это связать вместе. Я думал сделать совет трех министров и об этом говорил государю, докладывал. Это немного затормозило дело. Вследствие этого и журнал так поздно пришел.

Председатель. — На мой вопрос, почему вы докладывали государыне, вы отвечаете для скорости, и потом пояснили, что долго в Ставку, а государыне — через 10 минут. Вам известно было, что существует такая форма общения людей, стоящих у власти, которая называется разговором по телеграфу?

Протопопов. — Я лично никогда этим не пользовался.

Председатель. — У вас принципиального непользования не могло быть. Если министру внутренних дел нужно экстренно снестись с главой верховной власти и если для этого есть возможность пойти в главный штаб, в квартиру военного министра, и переговорить с государем по телеграфу, то зачем министру внутренних дел ехать в Царское Село и т. д.? И когда его спрашивают, зачем он это делает, он говорит: «Я это делаю для скорости».

Протопопов. — Я теперь соображаю, что можно было поехать туда, но я не знал, что есть такой провод. Я думал, что это есть особый царский провод. Затем я не скрывал от государыни этого дела.

Председатель. — Вы несомненно не скрывали, потому что вы докладывали.

Протопопов. — Она была в курсе дела.

Председатель. — Доклад по серьезному вопросу супруге царствующего императора... при чем тут она?

Протопопов. — Это было даже мне указано: если быстро что сделать, — скажите государыне.

Председатель. — Вы ссылаетесь на словесное высочайшее повеление?

Протопопов. — Так точно. Это определено, я на него должен ссылаться.

Председатель. — Предъявлен листок бумаги, на котором написано: «2—3 октября, совет министров. В правом крыле государственного совета не хватает голосов 10—15» (читает).

Протопопов. — Так точно, это я все помню. Это моей рукой написано. В правом крыле государственного совета не хватает 10—15 голосов.

Председатель. — Т.-е. для чего не хватает? Чтобы дать перевес реакционному правому течению?

Протопопов (читает). — «Дума не примирится с Курловым». Совершенно верно... (читает). Да, правильно... А Комиссарову увеличить пенсию с тем, чтобы не жил в Петрограде. Совершенно верно, это так точно. w310k

Председатель. — Признано, что это правильно. Не разворачивая пока документа, мне хочется спросить: это слово «человек» — вами написано?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Не вами?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Скажите, какие отношения существовали между вами, Бурдуковым и Вырубовой?

Протопопов. — Он ездил туда. Он сам в Царском живет. Он у нее бывал. Ведь, собственно, Бурдуков близкий человек, приемный сын и наследник покойного Мещерского. Мещерского чрезвычайно любил государь.

Председатель. — Вы на «ты» с Бурдуковым?

Протопопов. — Нет, но...

Председатель. — Но он близкий человек вам?

Протопопов. — Да.

Председатель (читает). — «Глубокоуважаемая Анна Александровна. В настоящее время, когда истерзана душа... (документ от 30 января)... 30 января, Царское Село. Ваш Бурдуков».

Протопопов. — Он мне показывал это письмо, я его помню.

Председатель. — Он вам показывал его после отсылки?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, каким образом, это письмо, отосланное к Анне Александровне, у вас очутилось?

Протопопов. — Может быть, Анна Александровна мне его переслала.

Председатель. — Но вы не знаете, при каких обстоятельствах? Это ваш друг, он вас хвалит. Это письмо идет туда, к Анне Александровне, а Анна Александровна — вам.

Протопопов. — Г. председатель, то, что написано... он написал то, что думал, очень любезно. Потом ко мне пришел.

Председатель. — Я хотел знать, когда он показал вам, до отправления, или после отправления?

Протопопов. — После отправления. До отправления он мне не показывал.

Председатель. — До отправления он вам не показывал?

Протопопов. — Он в Царском живет, а я в Петрограде.

Председатель. — Но Царское не за горами. Теперь позвольте задать вот какой вопрос. Я вам прочел по подлиннику, отправленному им. Тут есть слова: «Вот почему, если среди членов правительства появляется человек с такими верованиями...». А вот у меня другой экземпляр: «Вот почему, если среди членов правительства появляется человек...» Очевидно, нужно думать, что этот человек — вы. Вы говорили, что он показал это письмо после отправки. Каким образом у вас оказались и черновик, и беловое письмо?w311k

Протопопов. — Не знаю. Я говорю: он показывал мне письмо.

Председатель. — Показывал до отправки или после отправки?

Протопопов. — Вот это он показывал (показывает). Вероятно, оно было у меня.

Председатель. — У вас были оба экземпляра, черновик и беловик, который прошел через Анну Александровну.

Протопопов. — Я отлично помню. Я говорил, что очень благодарен за такие лестные аттестации. А затем получилось от Анны Александровны письмо.

Смиттен. — А вам известно, что письмо было доложено императрице? Все то, что дается Анне Александровне, то дается императрице.

Председатель. — Бадмаев был вам довольно близкий человек?

Протопопов. — Бадмаев 27 лет меня лечит. У него хаос в голове, политический хаос. Он постоянно пишет записки, брошюры издает.

Председатель. — Эти записки, которые он пишет, куда он посылает?

Протопопов. — Массами рассылает их своим знакомым. Их читать довольно затруднительно, потому что это полный хаос.

Председатель. — Что же, посылает он их и Вырубовой? Посылает он их...

Протопопов. — Царю.

Председатель. — А может быть и царице. Так?

Протопопов. — Во всяком случае, очень широко рассылает то, что пишет. Это человек такой, у него вся жизнь как-то изрублена в разных занятиях. Он — доктор, принимает, и действительно имеет прекрасные тибетские средства. И вместе с тем, он какие-то бетонные трубы делает. И вместе с тем, политикой занимается и школу имеет бурятскую. Человек он старый.

Председатель. — Позвольте огласить документ. Занесите в протокол, что оглашается документ, взятый по обыску у Бадмаева... (читает). Содержание этого письма вам было известно?

Протопопов. — Первый раз слышу.

Председатель. — Вы знаете, какая дата? 8 ноября 1916 г.?

Протопопов. — Нет. За Бадмаева я вполне уверен, что он таких писем много писал.

Председатель (читает). — «Дума, во главе которой стоят А. и Г.». Памятная записка... (читает). «Протопопов и Курлов власти не имеют, и, поэтому, помешать проискам недоброжелатели не могут без твердой воли царя... (читает) «21 окт. 1916 года» Вы знаете, что это было отправлено?

Протопопов, — Я вообще совершенно не знаю его корреспонденции. w312k

Председатель. — И других записок, которые я вам сейчас покажу, вы тоже не знаете? Одна записка о роспуске думы: «необходимо прервать на продолжительный срок занятия думы...» (читает). В составлении этой записки вы не принимали никакого участия?

Протопопов. — Нет, определенно нет.

Председатель. — О посылке их не знали?

Протопопов. — Знал, что он пишет государю постоянно. У него очень большая беглость мысли.

Председатель. — Но видите ли, он пишет довольно разумно. Ведет известную линию. И вот, эта памятная записка, которую я вам позволю себе предъявить, — она имеет вот какое еще значение: она по содержанию, по мыслям, по смыслу имеет некоторое сходство с той телеграммой, которую вы дали по поводу блока. Она тоже говорит об этом блоке, и так же, как вы, этот Бадмаева — против блока. Только вы пишете об этом срочно Воейкову, а он пишет в памятной записке.

Протопопов. — Может быть. Ведь он видел много людей. Может быть, я ему говорил. Может быть, я от него слышал. Я не знаю. Мысль одна и та же может прийти двум людям, но я в составлении этой записки никогда никакого участия не принимал. Да и он человек настолько самолюбивый, что если бы поправлять его записку, он страшно разобиделся бы.

Председатель. — Вы не имели разговора с Треповым? Трепов вам не говорил, что государь склонен к тому, чтобы вы подали в отставку? (Читает): «Трепов предложил ему принять пост министра путей сообщения».

Протопопов. — Господи боже мой, что же это такое! Нет, г. председатель, это полная фантазия. Трепов говорил мне, что он бы думал, что мне полезно выйти и перейти на пост министра торговли. Я говорю: «Конечно, с великой радостью. Но как это устроить?»

Председатель. — Что это за бумажка (показывает)?

Протопопов. — Не знаю (смотрит). Ах, это почерк... по-моему, это — Моргенштиерна. Знаете, который почерки узнает?

Председатель. — Предъявлен был документ. Оригинальный крупный тип (читает). Теперь скажите, пожалуйста, вы знали г-жу Головину — Марию?

Протопопов. — Как же, Марию Евгеньевну, — немного, но все-таки знал.

Председатель. — Какие у вас были отношения с ней?

Протопопов. — У меня с ней самые лучшие отношения. Я у них был приблизительно в январе, вероятно. Раз я у них вечером был.

Председатель. — К какому политическому кружку она принадлежит?

Протопопов. — Распутина. Она была постоянно при Распутине.

Председатель. — Одно из близких к Распутину лиц?

Протопопов. — Очень близкое лицо. А затем, она родственница гр. Пален.

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, чем вы объясняете такое письмо (читает): «Многоуважаемый Петр Александрович...» г-жи Головиной к Бадмаеву.

Протопопов. — Это дамские разговоры. Она — молодая девушка.

Председатель. — А давно она стала поклонницей Распутина?

Протопопов. — Да, довольно давно. Это очень близкий человек к нему. Видите ли, это человек очень несчастный.

Председатель. — Вы ее почерк знаете? Не можете ли объяснить, что это значит: в начале письма «Х. В.» и крест?

Протопопов. — Христос воскрес.

Председатель. — Это письмо 1-го сентября 1916 г. Вы не знаете, что это знак распутники?

Протопопов. — Этого я не знал. Крестик многие ставят.

Председатель. — Т.-е. многие сторонники Распутина?

Протопопов. — Самые обыкновенные люди. Но я не знал, что это так.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, каково было ваше отношение к московским городским выборам?

Протопопов. — Это довольно сложная вещь. Я плохо с этим делом знаком. Это дело знает Анциферов.

Протопопов. — Что значит: «вести дело московских городских выборов»? Т.-е., так сказать, ждать, пока результат произойдет, и наобласти, какой есть результат?

Протопопов. — Я не знаю подробностей выборов, г. председатель, я на это ответить не могу. Я знаю одно, что там есть циркуляр, который был утвержден и мной был признан.

Председатель. — Извините, это не циркуляр, а инструкция.

Протопопов. — Я не помню, утверждал я ее или нет.

Председатель. — Что вам известно о вмешательстве министерства внутренних дел в московские городские выборы?

Протопопов. — О вмешательстве я не знаю. Какое же может быть вмешательство, деньги там не истрачены!

Председатель. — Вы это наверное знаете, что деньги там не истрачены?

Протопопов. — Я спрашивал. Деньги там не истрачены.

Председатель. — Не подкупали никого в связи с этими выборами?

Протопопов. — Никого.

Председатель. — Вы московскую знаменитость, домовладельца Москвы Котлецова знали?w314k

Протопопов. — Лично нет, фамилию слышал, но никогда не видал.

Председатель. — Но, может быть, те, кто заведывал выборами, знают?

Протопопов. — Я не сумею ответить.

Председатель. — Итак, вы утверждаете, что это делалось без вашего ведома?

Протопопов. — Мне говорили, что выборы идут неблагополучно.

Председатель. — В каком смысле?

Протопопов. — Чересчур левый элемент проходит.

Председатель. — Для кого же неблагополучно?

Протопопов. — Для партии правых... Что даже Н. И. Гучков забаллотирован.

Председатель. — (Оглашается документ «выписка из отчета главного управления по делам печати о приходе и расходе в течение 1917 г. секретного кредита». Это в сущности не только документ за 1917 г., но также и за 1916 г. По 1916 г. подведен итог: 1.620.284 р. 70 к. Документ за подписью начальника главного управления по делам печати Потемкина. (Оглашаются статьи расхода 41—43 — это порядковый номер.) «30 тысяч рублей субсидии выдано домовладельцу г. Москвы Котлецову».

Протопопов. — Во всяком случае, мне про это никто ни одного слова не докладывал. Не может быть, чтобы о 30 тысячах мне не доложили.

Председатель. — Вам известно, что домовладелец Котлецов начал издавать журнал, которого выпустил ко дню московских выборов три номера, а потом

прекратил это издание, — после того, как был забаллотирован? Итого, значит, казне, т.-е. министерству внутренних дел каждый номер стоил 10 тысяч рублей.

Протопопов. — Когда это было?

Председатель. — Даты я не могу вам сказать, но предъявлю документ. Вы были в сношениях с Котлецовым?

Протопопов. — Нет, я совершенно не видел его, и то, что вы говорите: 30 тысяч Котлецову — это я в первый раз слышу.

Председатель. — Вы говорили, что перед выборами вы, по представлению московского градоначальника, утвердили известную инструкцию выборов?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Известно ли вам, что когда выборы, неблагоприятные для правых партий, но не для московского населения, прошли, то получивший субсидию в 30 тысяч домовладелец города Москвы, забаллотированный Котлецов, подал на вас жалобу в сенат за то, что вы утвердили неправильную инструкцию?

Протопопов. — Я это слышал.

Председатель. — Только слышали? Или вы это знали?

Протопопов. — Знаю, что жалоба в сенат есть. Это было сделано.

Председатель. — По соглашению с министерством?

Протопопов. — Точно сказать не могу. Выборы нужно провести через присутствие.

Председатель. — Дело шло не о кассации выборов, а о признании вашей инструкции неправильной.

Протопопов. — Я этого не помню.

Председатель. — Вы не помните, что министр внутренних дел, утвердив инструкцию (он утвердил инструкцию до выборов), после выборов, когда на него пожаловались в сенат, признал, что эта инструкция неправильна?

Протопопов. — Это мне говорили.

Председатель. — Вам это не только говорили, но это идет от министерства внутренних дел.

Протопопов. — За министра внутренних дел?

Председатель. — Куколь.

Протопопов. — Думаю, Анциферов.

Председатель. — Но вы это знали?

Протопопов. — Как же, это я безусловно знал. Знал, что это делалось для того, чтобы произвести вторые выборы, в надежде, что они будут более удачные.

Председатель. — Что же вам придало надежду, что они будут более удачные?

Протопопов. — Я спрашивал: что вам подает надежду? И они мне на это сказали, что, может быть, можно будет сговориться.

Председатель. — Кого вы спрашивали?

Протопопов. — Выборами заведывал Анциферов.

Председатель. — Так что вы к этому никакого отношения не имели?

Протопопов. — Не могу сказать, что никакого. Раз мне было доложено, значит — я имел касательство к этому.

Председатель. — Теперь, не известно ли вам, что перед подачей жалобы на эти выборы в городское присутствие, в Москву приезжали командированные министром внутренних дел чиновники, для рассмотрения производства в московском градоначальстве?

Протопопов. — Я не знал, кто приезжал. Кажется, Невиандт.

Председатель. — Да. Что же он вам доложил по возвращении?

Протопопов. — Он ничего не докладывал.

Председатель. — Разве вы не интересовались?

Протопопов. — В подробности я не входил. Г. председатель, когда выборы произошли?

Председатель. — Они произошли в течение ноября и в начале декабря, а что?

Протопопов. — Я в это время был нездоров, я не работал.

Председатель. — Т.-е. фактически нездоровы?

Протопопов. — Фактически.

Председатель. — Но общее руководство министерством вы оставили за собой? В понятие общего руководства входила политика по Москве?

Протопопов. — И да, и нет. Вечером Куколь обыкновенно говорил то, что находил нужным сказать.

Председатель. — Куколь находил нужным сказать про ход московских выборов?

Протопопов. — Я знал то, что я уже сказал.

Председатель. — Вам известно, что после того как Невиандт поехал в Москву, выборы были обжалованы забаллотированным домовладельцем Котлецовым?

Протопопов. — Насчет субсидии я должен сказать, что это для меня было открытие, я этого не знал. Это я заявляю.

Председатель. — Какие инструкции вы дали московскому градоначальнику в связи с поступлением жалобы от Котлецова, который, получив от вас деньги, подал на вас жалобу в сенат, а потом, после приезда Невиандта, принес жалобу московскому градоначальнику?

Протопопов. — Никаких инструкций я не давал, но моим именем могли дать.

Председатель. — Но какие инструкции дали от вашего имени?

Протопопов. — Не знаю. Могу сказать одно, что мне чрезвычайно неприятны эти 30 тысяч. Хотя я должен сказать, что выборы по Москве это не есть что-нибудь новое, это не есть тот обычай, который я внес. Это то, что я, может быть, должен был изменить, но чего я не изменил.

Председатель. — Вы можете указать другой пример такой настойчивой борьбы с московским населением?

Протопопов. — Это борьба... Она, собственно говоря, не была борьбой, потому что хода жизни московской она не нарушала. Выборы должны были быть скоро сделаны, это только ошибка вышла.

Председатель. — Вы приняли меры, чтобы они были назначены?

Протопопов. — Есть сроки.

Председатель. — Никаких сроков не было. Я все это дело знаю.

Протопопов. — Но что 30 тысяч за Котлецова заплачено, — это мне совершенно неизвестно. Как видите, они проведены по литературному кредиту. Я положительно этого не усматривал.

Председатель. — Они проведены по литературному, как и многие другие?

Протопопов. — Я должен сказать, что я не только не успел подробно рассмотреть этих отчетов, но я даже совершенно не знаю отчетов департамента полиции. Мне некогда было до них дойти... Г. председатель, разрешите мне спросить по поводу дела Перрена. Я вспомнил, когда я его видел; я составил себе гранки 1914—15—16 г.г., и прихожу к убеждению, что я его видел до войны за несколько месяцев.

Председатель. — Вы помните, к какому времени относится телеграмма, которую я оглашал?

Протопопов. — Я все это соображал и все записал. Я его видел раз в жизни.

Председатель. — У вас есть несколько документов, которые вы должны нам предъявить. Мы их разобрали.

Протопопов. — Они ужасно написаны, я сэкономил бумагу.

Председатель. — Я бы их разобрал, и в следующее ваше объяснение мы бы рассмотрели их.

Протопопов. — Разрешите мне сказать вот что. Тут очень трудно припомнить, но все говорит за то, что это именно было до войны, потому что я с семьей поехал к нему. Затем гадали о женихе моей дочери.

Председатель. — Не будем на этом останавливаться. Я бы хотел прочитать эти записки.

Протопопов. — Они дают довольно полную картину.

Председатель. — Это все про ваши отношения с Перреном. Хорошо, если вы их можете переписать, тогда я их возьму в следующий раз.

Протопопов. — Я их перепису. Но ужасно трудно вспоминать. Например, дней через 15—20, в конце ноября, было получено второе письмо из Норвегии, в котором он просит помочь ему устроиться в Петрограде. А видел я его только до войны.

Председатель. — При каких условиях вы получили дело о выборах и знали ли вы это дело? Я вам представлял документы и копии секретного рапорта военного агента в Бельгии и Нидерландах от 16 октября 1916 года, касающегося провокатора Малиновского, члена государственной думы.

Протопопов. — Положительно у меня в руках не было.

Председатель. — Этого производства вы сами не брали?

Протопопов. — Нет, никогда.

Председатель. — Я вернусь к документу, о котором я вас раньше спрашивал. Вы помните вашу операцию с векселями — кажется, на 100—150 тысяч, — на покупку хлеба этому обществу. Во главе этого общества стоял Кушнырь-Кушнырев. Вы знали деятельность этого общества?

Протопопов. — Нет. Кушнырь-Кушнырева создали, помнится, А. Н. Хвостов и Белецкий, но он действительно выплатил большую часть данных ему денег и вносил аккуратно то, что ему было авансировано. И именно сам Куколь давал лестные отзывы о использовании этими лавками от рабочих на заводах, причем высказывал, что сами рабочие занимаются торговлей в этих лавках.

Председатель. — Черновик вашего поздравительного письма на имя государя составлял Бурдуков?

Протопопов. — Нет, я его не посылал.

Председатель. — Я не говорю, что вы его посылали.

Протопопов. — Это было так: мне надо было написать государю, а он хорошо пишет.

Председатель. — Именно потому, что он хорошо пишет, я вас и спрашиваю: не составлял ли он вам черновики некоторых нужных вам вещей, вроде писем или речей — по крайней мере одной речи?

Протопопов. — Очень может быть. Он составлял мне речь при вступлении в должность.

Председатель. — Это была единственная речь, которую он для вас составил, та, которую вы произнесли перед чинами министерства внутренних дел при вступлении в должность?

Протопопов. — Но я все переделал. Я несколько раз просил людей писать мне, и, если что нравилось, я брал оттуда, но редко я посылал в жизнь чужое.

Смиттен. — Так как вы охраняли интересы династии и царствующего дома, то напрашивается вопрос: известно ли вам было, что личность Распутина дискредитирует в глазах общества престол? Говорили ли вы императрице, пользуясь возможностью иметь личное свидание, о том, что Распутин — грязная личность, распутник и что он пользуется дурной репутацией в городе и стране?

Протопопов. — Царице я никогда не говорил. Царю я резко так никогда не говорил. Когда я говорил, я старался эту мысль чуть-чуть трогать. С государыней было довольно трудно говорить.

Председатель. — Вы стояли на той точке зрения, на которой стояли и некоторые общественные деятели. Вы полюбили царя, царьлюбил вас. Вы считали долгом ему служить и говорить правду. Чем объясняется, что по такому большому вопросу, значение которого вы понимали, вы не сделали этого?

Протопопов. — Я в камере думал об этом. Вообще я теперь нахожусь в положении человека, жизнь которого вскрыта. Очень тяжело, но что же делать! Тут есть гораздо хуже: это — сторона душевная, то, что в итоге я и не заметил, как Распутин стал меня очень поддерживать. Ведь он меня поддерживал.

Председатель. — Вы знали, что он вас поддерживает?

Протопопов. — Конечно, я знал, потому что он меня всегда хвалил в глаза.

Председатель. — Поддерживал, значит, и перед Царским Селом, поддерживал и при личных свиданиях, и в письмах?

Протопопов. — Я думаю так. Даже наверное знаю, что так. Это гораздо хуже. w319k

Смиттен. — Позвольте сказать так, что, благодаря создавшимся между вами и Распутиным отношениям и тому, что он вас поддерживал, вы, защищая свои личные интересы перед лицом государя, не могли разоблачать Распутина?

Протопопов. — Нет, это не так. До такой степени это не дошло. Я считал, что Распутина совершенно бесполезно разоблачать. Я считал возможным только одно — говорить мягко: «Государь, он стал притчей во языцех». Он спрашивает: «Что же вы особенного замечаете?» — «Ничего особенного, но он стал притчей во языцех». Идею монархической он принес вред.

Смиттен. — Мне хотелось бы получить определенный ответ. Как министр внутренних дел, вы не могли не понять, что устои трона расшатываются, потому что в общественном сознании Распутин слит с самым понятием Царского Села. Не указывали ли вы, что для государственного порядка и спокойствия представляется нетерпимой эта фигура?

Протопопов. — Я думал, что ему надо уехать в Тобольск.

Председатель. — Вы прямо эту мысль никогда не высказывали?

Протопопов. — Я трогал этот вопрос, но прямо, ребром никогда его не ставил. Но говорил, что хорошо ему уехать в Тобольск. Мне казалось, что это лучшая мера; и он бы уехал: это было дело решонное.

Председатель. — Т.-е. перед тем, как его убили? Значит вы приготовите это к после-завтра?

Протопопов. — Я спутался — либо в 1914, либо в 1915—16 году.

Председатель. — Мы потом в этом разберемся.

Протопопов. — Пожалуйста, если будете допрашивать мою семью по этому поводу, то моя дочь, которая живет в Москве, она беременна, пожалуйста, я вас прошу, испуг будет невероятный.

Председатель. — Хорошо, будьте покойны.